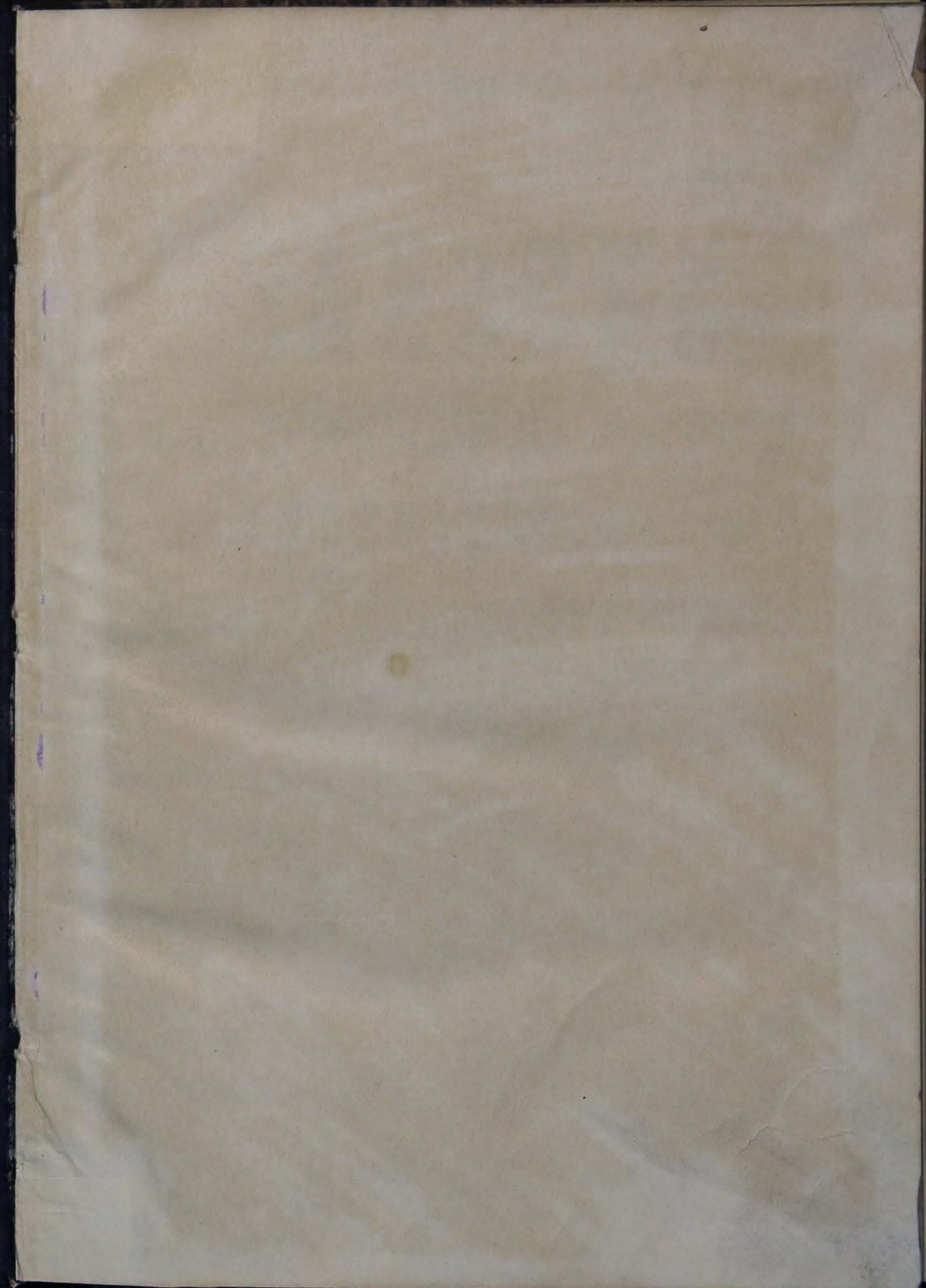

ICM. 13
1892

1032

12.189

ЛЛЛЛ

12.107.

~~1140~~

~~1140~~

ЗАПИСКИ

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

КНИЖКА XIII.

ВЫПУСКЪ I-й.

Печатано по распоряженію Зап.-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества.

БИБЛИОТЕКА МУЗЕЯ
ИМЕНИ Н. М. ПУШКИНА
ИНВ. № 85943

ОМСКЪ.
Типогр. Окружн. Штаба.
1892.

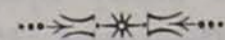
89

СОДЕРЖАНИЕ:

- 1) Къ ботанической характеристикѣ Ялutorовска и его ближайшихъ окрестностей М. Сязова. 1-26
- 2) Статистика Омской и Тюменской флоры. Сопоставленіе Омской флоры съ Тюменскою Ею же. 1-12
- 3) Въ странѣ кедрa и соболя. (Очеркъ Тавдинско-Пельмскаго края) И. Словцова. - 1-4
- 4) О распространеніи и урожаяхъ Сибирскаго кедрa (*Pinus Sembra*); съ картою Ею же. + 10

КЪ БОТАНИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЯЛУТОРОВСКА И ЕГО БЛИЖАЙШИХЪ ОКРЕСТНОСТЕЙ.

Мѣстоположеніе маленькаго Ялutorовска весьма привлекательно. Городъ построенъ на краю обширной, слегка волнистой равнины, въ 1½ верстахъ отъ Тобола, и отдѣляется отъ рѣки широкимъ, изменнымъ и сырмъ лугомъ, ежегодно заливаемымъ весенней водой. Съ трехъ сторонъ (юго-запада, запада и сѣвера) городъ окружаютъ прекрасныя березовыя рощи, чередующіяся съ болѣе или менѣе широкими сухими дугами. Самая значительная изъ этихъ рощъ („Большая“) начинается около тюремнаго замка. Съ юга къ городу подходятъ 2 тракта, одинъ—на Тюмень, другой—на Ишимъ и Омскъ. Высокій, хорошо разросшійся березнякъ, пересѣкаемый этими трактами, тянется отъ большой рощи до пригородной деревеньки Боровушки. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ прежнее время къ городу съ этой стороны подходилъ сосновый боръ: объ этомъ свидѣлствуютъ преданія жителей, названіе только что упомянутой деревеньки, сухая песчаная почва по тракту на Омскъ, гдѣ, вправо отъ дороги, разбросаны кустики *вереска*, и, наконецъ, то обстоятельство, что дальше по тому же тракту, въ 2-хъ верстахъ отъ города, начинается настоящій соснякъ—„Борокъ“ деревушки Памятное. Въ окрестностяхъ Ялutorовска много болотъ; наибольшее изъ нихъ есть Пустошкино на равнинѣ къ западу отъ города; длину его опредѣляютъ версть въ 10. Лугъ между городомъ и рѣкою весь изрѣзанъ болотами и озерами. Рѣка Тоболь очень извилиста; дно ея песчано, теченіе очень быстро. Оба берега довольно низки. Мѣстами около воды лежатъ песчанныя отмели; песокъ бѣлаго цвѣта, очень глубокъ, чистъ и нѣженъ на ощупь. Весь правый берегъ густо заросъ тальникомъ, окаймляющимъ зеленой стѣною роскошныя поѣмныя дуга—город-

скіе и крестьянскіе покосы. Дорога на эти покосы идетъ аллеей ивовыхъ кустовъ направо отъ перевоза; а если возьмешь налево, то попадешь въ мѣстность, пересѣченную увалами, заросшими мелкимъ березнякомъ, тальникомъ и осинникомъ. Весною Тоболь разливается на громадное пространство, доходитъ до самаго города, но уваловъ не топить. По всему правому берегу рѣки тянется рядъ озеръ: Василискино, Старичка, Калачикъ, Караново, Притчина яма, Сумки, Кривое съ отдѣлившимся отъ него Камышнымъ, Сахарное, Осинное¹⁾. Въ 20-ти верстахъ отъ города, за Тоболомъ, находится громаднѣйшій Заманный боръ или „Заманное“, какъ выражаются горожане. Синѣя на горизонтѣ, онъ видѣнъ изъ самаго города, такъ какъ растетъ на высокомъ увалѣ. Боръ этотъ состоитъ изъ сосны, къ которой примѣшаны пихта и ель. Въ немъ много ягодъ (голубицы, брусники, черники и костяники), водятся грузди и рыжики²⁾. Неподалеку отъ города, при дорогѣ въ деревню Плюхину и находящуюся за ней рощу Пономарева, разбросаны солончаки, заросшія триостренникомъ, марью и лебедою. Такъвъ общій характеръ района, служившаго мѣстомъ ботаническаго изслѣдованія. Нельзя не отмѣтить, что со стороны условій чисто-физическихъ мѣстность замѣчательно разнообразна.

Климатъ Ялutorовска, соответственнаго его географической широтѣ, замѣтно суровѣе Омскаго, но онъ благоприятнѣе для растительности, такъ какъ гораздо болѣе влаженъ, благодаря обилію водъ и лѣсовъ. Въ жаркую пору года, при установившемся вѣдрѣ, земля ежедневно освѣжается хорошими, обильными росами.

Разсмотримъ теперь, одну за другой, картины растительности окрестностей города, держась слѣдующаго порядка: 1) лугъ между городомъ и рѣкою, берега рѣки; 2) поемные луга за рѣкою; 3) березнякъ, пересѣкаемый трактами; 4) „Борокъ“; 5) рощи; 6) сухіе луга между рощами.

¹⁾ Все эти озера богаты и птицей, и рыбой; изъ рыбъ тутъ водятся карась, чебакъ, окунь и щука.

²⁾ Изъ животнаго населенія бора особенное вниманіе обращаетъ на себя масса гадюкъ, которыя вообще не рѣдки и въ ближайшихъ окрестностяхъ города (на брусничныхъ мѣстахъ).

Широкая низменная равнина между рѣкою и городомъ представляетъ, какъ сказано выше, лугъ, изрѣзанный болотами и озерами. Огромное множество лапчатки (*Potentilla anserina*) образуетъ сплошной зеленый коверъ, по которому разбросаны золотисто-желтыя головки девясила (*Inula britannica*). Нѣкоторыя изъ озеръ обросли камышомъ; на берегу озера подъ соборомъ обильно растетъ водяная сосенка (*Hippuris vulgaris*). Въ болотахъ весьма многочисленны кусты стрѣлолиста (*Sagittaria sagittaeifolia*), живущаго рядомъ съ частухою (*Alisma plantago*), а на склонахъ ложковъ этихъ болотъ хорошо разрослась и очень обыкновенна жеруха (*Nasturtium palustre*). Другой видъ жерухи (*N. amphibium*) встрѣчается также по близости болотъ, но въ меньшемъ количествѣ недѣлимыхъ. Кое-гдѣ по сырымъ мѣстамъ виднѣются группы земноводной гречихи (*Polygonum amphibium*) съ розовыми колосками цвѣтовъ. Широкія песчанья отмели усѣяны пучками крупныхъ сѣроватозеленыхъ листьевъ мать-мачихи (*Tussilago*); тутъ-же разбросаны вѣтвистые стебельки мелкаго хвоща, быстро бурѣющаго и засыхающаго на солнцѣ. Длинныя и тонкія плети лапчатки стелются красною сѣткой по бѣлой поверхности песка. Весь правый берегъ рѣки густо заросъ 2-мя видами ивы¹⁾. Мѣстами кусты висятъ надъ самой водой, мѣстами отдѣляются отъ нея песчаными отмелями. Песокъ въ ивнякѣ и около него прикрытъ ковромъ ярко зеленѣющаго хвоща, который разрастается здѣсь гораздо лучше, чѣмъ на противоположномъ берегу Тобола. Въместѣ съ хвощемъ обильно растетъ мать-мачиха. Множество мяты (*Mentha arvensis*) и череды (*Bidens tripartita*) разсѣяно между кустами. По уступамъ берега растетъ много татарника (*Cirsium arvense*), чихотной травы (*Achillea cartilaginea*), дубровки (*Veronica longifolia*), клоповника (*Lepidium ruderale*) и дикаго лука; разсѣяны пасленъ (*Solanum persicum*), жеруха (*Nasturtium palustre*) и подорожникъ (*Plantago maxima*). Въ кустахъ по дорогѣ на покосы растетъ множество чистеца (*Stachis palustris*) и вербейника (*Lysimachia vulgaris*), много сусака (*Butomus umbellatus*) и частухи.

¹⁾ *Salix amygdalina* и *Salix viminalis*.

Тутъ-же на сырыхъ мѣстахъ разбросанъ окопникъ (*Symphytum*). Красивые злаки вѣйникъ (*Calamagrostis*) и бекманія (*Beckmannia eruciformis*) достигаютъ замѣчательной высоты.

Растительность поемныхъ луговъ за р. Тоболомъ такъ хороша, такъ богата, что только художественное перо сумѣло-бы дать читателю надлежащее понятіе объ ея пышности и красотѣ. Травы, которыя питаетъ почва этихъ луговъ, очевидно, нашли себѣ здѣсь наилучшія условія существованія. Великолѣпно разросшіеся злаки и множество яркихъ, разнообразныхъ цвѣтовъ перемѣшаны въ самомъ причудливомъ безпорядкѣ. Здѣсь весьма изобильны *Senecio Jacobaea*, *Linaria vulgaris*, *Veronica spuria*, *Rhinanthus crista galli*, *Melilotus alba*, *Sanguisorba officinalis*, *Spiraea ulmaria*; а желтый ароматный подмаренникъ (*Galium verum*), клеверъ-бѣлоголовка (*Trifolium montanum*), блѣднолиловый лучекъ (*Allium* sp.) и красноватый щавель (*Rumex acetosella*) — просто удивляютъ наблюдателя громаднымъ количествомъ недѣлимыхъ. Чрезвычайно эффектны на этихъ лугахъ густыя, рѣзко-очерченныя группы синефіолевого горошка (*Vicia cracca*¹⁾, малиновокраснаго клевера (*Trifolium pratense*) и желтой люцерны (*Medicago*): это — настоящіе цвѣтники. Мѣстами среди пестраго моря травы разбросаны на подобіе острововъ одинокія кусты ивовыхъ кустовъ, въ тѣни которыхъ отлично разрастаются чистецъ болотный, плакунъ (*Lythrum virgatum*) и вербейникъ. Кое-гдѣ бросаются въ глаза группы высокаго молочая (*Euphorbia*), кипрея (*Epilobium angustifolium*) и дикой рябинки (*Tanacetum vulgare*). Нѣкоторыя изъ болѣе сухихъ участковъ поверхности усеяны розовыми цвѣточками качима (*Gypsophila muralis*) и тутъ же, то группами, то разсѣянно, растетъ ароматная душица (*Origanum vulgare*). Дороги, ведущія на покосы, заселены 2-мя видами ситника (*Juncus articulatus* и *Juncus compressus*). Нѣкоторыя изъ болотъ обильно поросли рогозомъ (*Typha latifolia*). Склоны уваловъ этой стороны Тобола, упомянутыхъ мною въ общей характеристикѣ, богаты клубникой, расту-

¹⁾ Вязиль. Покосъ съ вязилемъ цѣнится больше, чѣмъ—безъ него.

щей въ большомъ количествѣ также и на покосахъ. Изрѣдка на этихъ увалахъ попадаются одинокія сосенки, а съ ними — бруслика и костяника.

Березнякъ между деревней Боровушкой и такъ называемой Большой рощей Ялutorовска по характеру своего травянаго покрова представляетъ мѣстность, совершенно противоположную той, которую мы только что любовались. Почва березняка содержитъ въ себѣ значительное количество песка и отличается сухостью, особенно — между трактами; въ двухъ верстахъ отъ города, по тракту на Ишимъ, около Памятнаго, она уже становится чисто песчаной. Характерными растеніями этой мѣстности, соотвѣтственно качествамъ почвы, являются *Hypochaeris maculata*, *Solidago virgaurea*, *Erigeron acris*, *Carlina vulgaris*, *Melampyrum cristatum*, часто разсѣянныя въ кустахъ. Тутъ-же и при томъ въ замѣчательномъ изобиліи цвѣтетъ *Potentilla tormentilla*. Къ весьма обыкновеннымъ растеніямъ въ березнякѣ принадлежатъ слѣдующія: *Chrysanthemum Leucanthemum*, *Senecio Jacobaea*, *Achillea millefolium*, *Gnaphalium dioicum*, *Hieracium echioides*, *Galium boreale*, *Galium verum*, *Verbascum nigrum*, *Veronica spicata*, *Euphrasia officinalis*, *Rhinanthus cristagalli* и еще одно изъ норичниковыхъ, кажется — *Melampyrum pratense* L., растущее около тракта на Ишимъ, *Origanum vulgare*, *Glechoma hederacea*, *Dracosephalum Ruischiana*, *Solanum persicum*, *Trifolium pratense*, *Trifolium repens*, *Trifolium montanum*, *Trifolium lupinaster*, *Rosa cinnamomea*, *Geum strictum*, *Agrimonia pilosa*, *Fragaria vesca*, *Fragaria collina*, *Potentilla anserina*, *Potentilla argentea*, *Spiraea filipendula*, *Carum carvi*, *Polygala comosa*, *Geranium pratense*, *Hypericum perforatum*, *Gypsophila muralis*, *Silene nutans*, а также — красная гвоздика. Мѣстами среди березняка одиноко разсѣяна крушина (*Rhamnus Frangula*), мѣстами встрѣчаются пышныя, отлично разросшія группы папортника; въ одной изъ таковыхъ группъ мнѣ попалась отцвѣтшая саранка (*Lilium Martagon*). Вблизи отъ города, въ началѣ тракта на Тюмень, встрѣчаются участки, сплошь усеянные мел-

кимъ *Trifolium arvense*. Въ заключеніе надо замѣтить, что качества почвы въ березнякѣ видимо улучшаются по мѣрѣ приближенія къ Большой рошѣ: она становится дерновою. Дернъ зеленѣющихъ здѣсь полянъ состоитъ (насколько я замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ) изъ листьевъ подорожника, ягодника (*Fragaria*), будры и таволги (*S. filipendula*).

«Борокъ» деревеньки Памятное есть сухая песчаная мѣстность, заросшая молодыми соснами и березками. Многіе участки поверхности выстланы сѣроватыми листиками кошачьей лапки (*Gnaphalium dioicum*), а на другихъ лежатъ коврики бѣлаго кудряваго лишая (*Cladonia*). Тамъ и сямъ зеленѣютъ вѣтвистые кустики вереска (*Calluna vulgaris*), покрытые розовыми цвѣтками, а у подножія сосенъ ютится брусничникъ. Трава здѣсь скудна и низка, цвѣтовъ маловато, но зато повсюду разбросаны группы земляничника съ чудными, крупными и ароматными плодами. Изъ другихъ ягодныхъ растений здѣсь попадаются клубника и костяника. Къ самымъ обыкновеннымъ растеніямъ «Борка», но растущимъ не группами, а разсѣянно, относятся слѣдующія: *Viola arenaria*, *Silene chlorantha*, *Hypericum perforatum*, *Veronica spicata*, *Origanum vulgare*, *Polygala comosa*, *Hieracium echinoides*, *Solidago virgaurea*, *Erigeron acris*, *Chrysanthemum Leucanthemum*, *Achillea millefolium*. Чаше и обильнѣе другихъ растутъ здѣсь 2 вида лапчатки: *Potentilla argentea* и *Potentilla tormentilla*. Соснякъ начинается теперь у самой покотинны Памятного, но такія, характерныя для бора растенія, какъ верескъ, брусника и голубица, а также отдѣльныя, одинокія сосенки, все-то еще разбросаны въ березнякѣ и осинникѣ, направо отъ тракта на Ишимъ и вмѣстѣ съ этимъ трактомъ доходятъ до самаго города.

Лучшее украшеніе равнины около города составляютъ прекраснѣйшія березовыя рощи, разбросанныя среди сухихъ открытых луговъ и придающія мѣстности чрезвычайно веселый, до-нельзя привлекательный, заманчивый видъ. Начиналась такъ называемой

„Большой“, рощи эти обходятъ городъ съ трехъ сторонъ и заканчиваются „Казарками“ при деревнѣ Томиловой. Очень высокая и густая, а потому—тѣнистая, „Большая“ роща Ялуторовска предоставлена нынче самой себѣ. Массы опавшихъ листьевъ покрываютъ поверхность земли. Стволы обросли лишаями, а около корней и на старыхъ, полусгнившихъ пняхъ пышно зеленѣетъ торфяной мохъ. Кое-гдѣ разсѣяны кустики хвоща и папоротника. Травяная растительность рощи крайне однообразна: она состоитъ почти исключительно изъ земляничника, дающаго громадное количество ягодъ. Изъ другихъ растений чаще всего бросаются въ глаза клеверъ (*Trifolium medium*), фіалка и грушанка (*Pyrola*). Въ одномъ мѣстѣ, около сырого ложка, мнѣ встрѣтились нѣсколько кустиковъ цвѣтущей *Chimophila umbellata*. Изъ кустарниковъ въ рошѣ растетъ довольно не рѣдко шиповникъ. Жители города собираютъ здѣсь ягоду и грибы (грузди сырые и сухіе, бѣлые грибы и обабки). Хорошему росту грибовъ способствуетъ здѣсь значительная сырость воздуха, объясняемая обширностью и густотою рощи, а также—присутствіемъ въ ней большого болота. Прочія рощи въ окрестности, рощи меньшихъ размѣровъ, имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ травянаго покрова. Всѣ онѣ внутри богаты земляничникомъ, а по опушкамъ—клубничкой. Рядомъ съ обыкновенными растеніями опушекъ, каковы: будра, гравилать, рѣшникъ (*Agrimonia pilosa*), горечавка (*Gentiana amarella*), лѣшникъ (*Prunella vulgaris*), истодъ (*Polygala comosa*), смолевка (*Silene nutans*) и виды клевера (*Trifolium medium*, *repens*, *pratense*, *montanum*), растутъ обитатели сухого дуга: дубровка—Андреевъ крестъ (*Veronica spicata*), лапчатка (*Potentilla argentea*), колокольчикъ сибирскій, очанка (*Euphrasia officinalis*) и таволга (*Spiraea filipendula*)... Всѣ они отлично развиваются и благоденствуютъ подъ защитой кустовъ.

Особеннаго вниманія изслѣдователя мѣстной флоры заслуживаетъ роща Пономарева, лежащая у пашень деревни Плюхиной, въ 12 (или около того) верстахъ отъ города, и состоящая изъ березъ и осинъ, подъ тѣнью которыхъ развернулась удивительно

пышная и могучая травяная растительность, придающая рощѣ совершенно особый характеръ. Растительность эта состоитъ изъ громадныхъ зонтичныхъ (*Heracleum sibiricum* и др.), превышающихъ вышиною ростъ человѣка, и изъ слѣдующихъ травъ, великолѣпно разросшихся на богатой почвѣ: *Crepis sibirica* L., *Spigaea ulmaria*, *Agrimonia pilosa*, *Geranium pratense*, *Inula salicina*, *Sanguisorba officinalis*, *Vicia cracca*, *Tragopogon orientalis*, *Epipactis Helleborine*, *Polygonatum officinale*, *Trifolium pratense*, *Trifolium montanum*, 2-хъ видовъ *Thalictrum*, одного вида *Orobanche*, мною, къ сожалѣнію, не опредѣленнаго, часто разбѣянаго между травами... Здѣсь же встрѣчены мною *Campanula bononiensis* и *Viola mirabilis*, не попадавшіеся въ другихъ мѣстахъ. Уже и этого перечня, далеко не полного, вполне достаточно для характеристики замѣчательной растительности вышепоименованной рощи.

Обширные сухіе луга на западъ отъ города довольно однообразны. Господствующимъ и наиболѣе распространеннымъ растеніемъ является здѣсь клубника, растущая въ поразительномъ изобиліи и положительно заслоняющая собою все остальные травы луговъ. Цвѣтовъ издали и не увидишь; повсюду разстилается зеленнй коверъ, а нѣкоторые участки поверхности окрашены въ сѣрый цвѣтъ: это мѣста, гдѣ поселилась лапчатка серебристая (*Potentilla argentea*). Прочія, обитающія здѣсь растенія, какъ не образующія сплошныхъ группъ, различаются только вблизи, причемъ наиболѣе замѣтными являются весьма не многія. Чаше всего изъ этихъ растений бросается въ глаза низенькая *Veronica spicata*, синіе колоски которой изобильно разбросаны по поверхности. *Geum strictum*, *Astragalus hypoglottis*, *Trifolium repens*, *Trifolium montanum*, *Spiraea filipendula*, *Ranunculus polyanthemus*, *Campanula sibirica*, *Plantago media* — вотъ растенія, обыкновенно встрѣчаемыя на этихъ лугахъ. Мѣстами, къ сѣверозападу отъ города, цвѣтеть множество *Odontites rubra*. Травы сухихъ луговъ отличаются вообще низкорослостью. Клубника даетъ громадное количество ягодъ,

но онѣ значительно уступаютъ въ качествѣ тѣмъ, которыми изобилуетъ и славится въ городѣ лугъ при покотинѣ деревни Зиновой, гдѣ ягодникъ не вытаптывается скотомъ и прикрытъ отъ солнца болѣе высокою травою.

Пространство, отдѣляющее деревню Плюхину и рошу Пономарева отъ пригородныхъ рощъ и сухихъ луговъ, имѣетъ характеръ слегка волнистой равнины, по которой разбросаны болѣе или менѣе обширныя болота, тощіе солончаки и колки осиновыхъ, березовыхъ и смородиновыхъ кустовъ. По сторонамъ дороги встрѣчаются красивые лиловые зонтики *Statice Gmelini*, розетки колючихъ листьевъ *Cirsium acaule* (?), густыя красноватая заросли *Lepidium rudemale*; мѣстами (на бывшихъ пашняхъ) разрослись громаднѣйшія массы высокой сѣрой полыни (*Artemisia absinthium*), въ которой желтѣетъ множество *пулавки* (*Anthemis tinctoria*); мѣстами въ большомъ изобиліи цвѣтутъ 2 вида донника — бѣлый и желтый (*Melilotus alba* и *M. dentata*). *Glaux maritima*, *Triglochin palustre*, *Triglochin maritimum* и *Atriplex littoralis* во множествѣ покрываютъ поверхность солончаковъ.

Хлѣба окружающихъ городъ деревень (рожь, овесъ, ячмень, яровая пшеница и гречиха) вообще — очень хороши; но у городской покотинны рожь положительно усѣяна спорыннею (*Claviceps purpurea* Tulasne). Повсюду въ хлѣбахъ растетъ множество куколя (*Agrostemma Githago*), а на поляхъ съ горохомъ разбросанъ цѣпкій подмаренникъ (*Galium aparine*).

Въ городѣ, при частныхъ домахъ, есть много садиковъ, гдѣ, кромѣ обыкновенныхъ мѣстныхъ деревьевъ, растутъ: сирень, акація (*Caragana arborescens*), липа, рябина, крыжовникъ, малина, вишня, черемуха, красная и черная смородина. Насколько хорошо развивается здѣсь липа (*Tilia parvifolia*), объ этомъ можно судить по старымъ прекраснымъ деревьямъ въ бывшей Балакшинской рощѣ на выѣздѣ изъ города. На улицахъ города обильно растутъ: *Polygonum aviculare*, *Geranium sibiricum*, *Sisymbrium sophia*, *Potentilla anserina*, *Stellaria media*, *Capsella bursa pastoris*, *Lepidium*

ruderale, Leontodon Taraxacum, Malva borealis, Sisymbrium officinale, Urtica dioica, Chenopodium, а къ нимъ присоединяются: Trifolium repens, Leonurus, Erysimum cheiranthoides, Asperugo procumbens, Urtica urens, Cannabis sativa, Arctium Lappa, Bidens tripartita, Potentilla supina, Thlaspi arvense, Geum stictum, Geranium pratense, Hyoscyamus niger. Въ крапивѣ и пустырникѣ навозныхъ кучъ около города встрѣчаются: Carduus crispus, Sonchus sibiricus, Saussurea amara, Polygonum Convolvulus, а около изрѣдка попадаются Erodium cicutarium и Fumaria officinalis. На кладбищѣ весьма не рѣдко (въ городѣ, по огородамъ, гораздо рѣже) растетъ хатьма—Lavatera thuringiaca.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И ЗАМѢЧАНІЯ.

Благодаря замѣчательному разнообразію условій, флора ближайшихъ окрестностей гор. Ялutorовска отличается смѣшаннымъ характеромъ и состоитъ изъ растений сосноваго бора (Calluna, Vaccinium, Cladonia), растений лиственнаго лѣса (Fragaria vesca, Prunella vulgaris, Viola mirabilis) и растений степныхъ (Veronica spicata, Spiraea filipendula, Lavatera thuringiaca, Astragalus hypoglottis, Aster dracunculoides); область сосны и березы сходятся здѣсь съ открытою степью, но степью болотистой, мѣстами солончаковой, быть можетъ, находящеюся въ періодѣ медленнаго высыхания. Наибольше характеристичною чертою мѣстной травяной флоры является замѣчательное обиліе особей изъ семейства *розоцветныхъ* (Rosaceae): березовыя роши усѣяны земляникою (Fragaria vesca), сухіе открытыя луга съ дерновою почвою и опушки покрыты сплошнымъ ковромъ клубники (Fr. collina) и ланчатки (Potentilla argentea); сырыя поемныя луга при рѣкѣ весьма изобилуютъ недѣлимыми другаго вида ланчатки (Pot. anserina); въ березнякѣ на песчаной почвѣ, а также и въ соседнемъ съ нимъ соснякѣ, постоянно бросаются въ глаза представители третьяго вида того же рода (Pot. tormentilla); въ томъ же соснякѣ обильна и земляника. Число видовъ Rosaceae должно быть довольно значительно; мнѣ ихъ попало 17.

1-е мѣсто по числу видовъ, такъ же какъ въ Омской флорѣ, принадлежитъ семейству *сложноцвѣтныхъ* (Compositae); за время своего пребыванія я встрѣтилъ 42 вида сложноцвѣтныхъ. При этомъ нельзя не отмѣтить бѣдности мѣстной флоры видами полевны, столь многочисленными въ прииртышскихъ степяхъ. Семейство *мотыльковыхъ* (Papilionaceae) занимаетъ весьма видное мѣсто по числу особей, но не такъ богато видами, какъ Омская степь. Въ то время какъ въ Омской флорѣ насчитывается 30 видовъ мотыльковыхъ, въ Ялutorовской я нашелъ только 17. Главная потеря падаетъ здѣсь на долю рода Astragalus. Существованіе въ окрестностяхъ Ялutorовска растенія Trifolium arvense (см. мою замѣтку въ 10-й книжкѣ „Записокъ“ Зап.-Сибир. Отдѣла) есть фактъ, который мною уже констатированъ въ настоящей статьѣ (тоже самое относится и къ Anthemis tinctoria изъ сем. Compositae). Семейство *убоцвѣтныхъ* (Labiatae) имѣетъ около Ялutorовска, вѣроятно, не менше видовъ, чѣмъ у насъ. Мнѣ ихъ попало 14. *Гвоздичныхъ* (Caryophylleae) я нашелъ 18 видовъ, *норичниковыхъ* (Scrophularineae)—15, *крестоцвѣтныхъ* (Cruciferae)—11, *лютиковыхъ* (Ranunculaceae)—10, *зонтичныхъ* (Umbelliferae)—тоже 10. Говорить о мѣстѣ, занимаемомъ каждымъ изъ только что упомянутыхъ семействъ по числу видовъ между другими семействами флоры Ялutorовска, за краткостью времени наблюденія (1 мѣсяцъ), конечно, невозможно. Скажу только, что всѣ они, а также *злаки* (Gramineae) и *осоки* (Cyperaceae), несомнѣнно являются первенствующими.

Въ заключеніе перечислю растенія, найденныя мною около Ялutorовска, но отсутствующія въ Омской флорѣ: Carduus crispus, Leontodon autumnalis, Campanula bononiensis, Campanula glomerata, Verbascum nigrum, Melampyrum pratense, Scabiosa succisa, Polemonium coeruleum, Symphytum officinale, Vaccinium uliginosum, Calluna vulgaris, Trifolium montanum, Trifolium medium, Potentilla tormentilla, Rhamnus frangula, Viola mirabilis, Hypericum perforatum, Fumaria officinalis, Lychnis chalconica, Lychnis viscaria, Spargula arvensis, Typha latifolia, Anthemis tinctoria.

gia, *Trifolium arvense*, *Sisymbrium officinale*. Всего же 25 видовъ. Три послѣднихъ растенія, по наблюденію К. Л. Гольде, появились-было и въ Омскѣ, но затѣмъ исчезли.

Омскѣ, 1889 г.

Мих. Сіазовъ.

Замѣтка 1891 года.

Перечень видовъ, встрѣченныхъ около Ялуторовска и несвойственныхъ Омской флорѣ, можно-бы было дополнить растеніями *Campanula Cervicaria* и *Prunella vulgaris*; но оба растенія, въ небольшомъ числѣ особей, найдены были мною 30 іюня этого года за 4 версты отъ Омска, въ одномъ длинномъ оврагѣ, по правую сторону Оми, заросшемъ молодыми березами. Оба были въ полномъ цвѣтѣ. *Campanula Cervicaria*—растеніе сухого мелко-лѣся; но сильные вѣтры и крайняя сухость Омскаго лѣта, вѣроятно, выжили этотъ видъ съ высокихъ равнинъ, и онъ уцѣлѣлъ лишь въ оврагахъ, подъ тѣнью густого кустарника.

Списокъ растеній, найденныхъ въ Ялуторовскѣ и его окрестностяхъ въ Іюль 1889 года, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія и количества недѣлимыхъ.

1. *Tussilago Farfara* L. Множество на пескѣ по обѣимъ сторонамъ Тобола.
2. *Erigeron acris* L. Часто разсеянъ въ березнякѣ по трактамъ на Тюмень и Омскѣ, а также на «Боркѣ» (въ 2-хъ верстахъ отъ города).
3. *Inula britannica* L. Часто разсеянъ на лугу между городомъ и Тоболомъ.
4. *Inula salicina* L. Попадается разсеяннымъ въ березнякѣ по трактамъ и въ роцѣ Пономарева.
5. *Chrysanthemum Leucanthemum* L. Встрѣчается довольно часто подлѣ Тюменскаго тракта.
6. *Chrysanthemum inodorum* L. Группами разсеянъ за Тоболомъ.
7. *Anthemis tinctoria* L. Множество на бывшихъ пашняхъ. Встрѣчается и въ огородахъ.

8. *Achillea millefolium* L. Весьма распространенъ и въ городѣ и внѣ его.
9. *Achillea cartilaginea* Led. Весьма часто встрѣчается по правому берегу рѣки Тобола.
10. *Tanacetum vulgare* L. Растетъ большими группами у пашень и по дорогамъ. Обилень и за рѣкой.
11. *Artemisia inodora* MB. Разсеяна въ березнякѣ около трактовъ на Омскѣ и Тюмень.
12. *Artemisia absinthium* L. Растетъ громадными массами на бывшихъ пашняхъ (вмѣстѣ съ пупавкой).
13. *Artemisia vulgaris* L. Нерѣдко встрѣчается въ огородахъ, а также и по дорогамъ.
14. *Crepis sibirica* L. Часто растетъ въ роцѣ Пономарева, отлично развиваясь.
15. *Senecio Jacobaea* L. Очень часто разсеянъ въ березнякѣ по трактамъ и за Тоболомъ.
16. *Solidago virgaurea* L. Очень часто разсеяна въ березнякѣ около трактовъ и на «Боркѣ».
17. *Gnaphalium dioicum* L. Множество на «Боркѣ», менѣе обильно—въ березнякѣ по трактамъ.
18. *Bidens tripartita* L. Растетъ большими группами по сырымъ мѣстамъ.
19. *Aster dracunculoides* L. Встрѣчается на лугахъ за Тоболомъ и густыми группами по Омскому тракту.
20. *Arctium Lappa* L. Много на пустыряхъ и по дорогамъ.
21. *Carduus crispus* L. Разсеянъ на навозахъ и на кладбищѣ.
22. *Cirsium arvense* Scop. Множество по уступамъ праваго берега рѣки Тобола.
23. *Cirsium acaule* All? Разсеянъ на влажныхъ мѣстахъ подлѣ дороги въ деревню Плюхину.
24. *Centaurea Scabiosa* L. Встрѣченъ разсеяннымъ около роци Пономарева.
25. *Serratula coronata* L. Встрѣчается одиноко у роци Пономарева и за Тоболомъ.

26. *Tragopogon orientalis* L. Встрѣчается въ рощѣ Пономарева.
27. *Hypochaeris maculata* L. Довольно часто разсѣяна въ березнякѣ между трактами.
28. *Sonchus oleraceus* L. Часто встрѣчается въ огородахъ.
29. *Sonchus uliginosus* MB. Встрѣчается въ огородахъ и подлѣ самаго города.
30. *Sonchus sibiricus* L. (*Mulgedium*). Попадаетъ изрѣдка на навозахъ, а также въ тальникѣ по правому берегу Тобола.
31. *Leontodon Taraxacum* L. Множество въ городѣ.
32. *Leontodon autumnalis* L. Встрѣченъ въ весьма небольшомъ количествѣ на Тюменскомъ трактѣ.
33. *Saussurea amara* DC. Растетъ нѣсколько экземпляровъ на навозныхъ кучахъ у города.
34. *Hieracium echinoides* W. et K. Часто встрѣчается направо отъ дороги къ „Борку“ и на „Боркѣ“.
35. *Hieracium umbellatum* L. Встрѣчается разсѣянною на лугахъ за Тоболомъ.
36. *Carlina vulgaris* L. Разсѣянъ въ березнякѣ по трактамъ на Омскѣ и Тюменѣ.
37. *Sambucus racemosa* L. Встрѣченъ 1 экзempl. въ одномъ изъ частныхъ садовъ города.
38. *Viburnum opulus* L. Попадаетъ въ березнякѣ около трактовъ, иногда — группою.
39. *Galium boreale* L. Часто встрѣчается въ березнякѣ около трактовъ; разсѣянъ за Тоболомъ.
40. *Galium aparine* L. Встрѣчается и въ городѣ и на пашняхъ, въ горохѣ.
41. *Galium verum* L. Массы на лугахъ за Тоболомъ; часто разсѣянъ и въ березнякахъ.
42. *Galium uliginosum* L. Встрѣчается на сырыхъ мѣстахъ между рощами и въ тѣни березъ.

43. *Campanula glomerata* L. Въ ничтожномъ количествѣ попадаетъ разсѣяннымъ между кустарниковъ.
44. *Campanula sibirica* L. Довольно обильно разсѣянъ на сухихъ, открытыхъ мѣстахъ.
45. *Campanula bononiensis* L. Встрѣченъ прекрасный экземпляръ въ рощѣ Пономарева.
46. *Campanula cervicaria* L. Попадаетъ, но изрѣдка и одиноко по сухимъ мѣстамъ.
47. *Verbascum nigrum* L. Довольно часто встрѣчается въ березнякѣ по трактамъ; много у Зиновской поскотины.
48. *Verbascum phoeniceum* L. Замѣчено немного на сухомъ открытомъ мѣстѣ, у городской поскотины.
49. *Linaria vulgaris* Mill. Встрѣчается большими группами на лугахъ за р. Тоболомъ.
50. *Veronica longifolia* L. Часто встрѣчается по правому берегу Тобола и на покосахъ.
51. *Veronica spuria* L. Множество за Тоболомъ на городск. покосахъ.
52. *Veronica spicata* L. Множество на сухихъ поляхъ между рощами и въ березнякахъ.
53. *Odontites rubra* Pers. Множество, но лишь мѣстами, на поляхъ къ сѣверозападу отъ города.
54. *Euphrasia officinalis* L. Очень часто. Разсѣяна въ березнякѣ около трактовъ, меньше въ соснякѣ.
55. *Rhinanthus crista galli* L. (*Alectorol. major* Rehb.) Множество за Тоболомъ и въ березнякахъ.
56. *Melampyrum cristatum* L. Часто разсѣянъ въ березнякѣ около трактовъ.
57. *Pedicularis palustris* L. Растетъ въ болотѣ недалеко отъ города по тракту на Омскѣ.
58. *Salvia sylvestris?* L. Встрѣченъ въ рощѣ Пономарева. NB. Попавшійся экземпляръ (отцвѣтшій) былъ почти не пригоденъ для опредѣленія.

59. *Mentha arvensis* L. Много разсыяно около Тобола; перѣдко встрѣчается и около рощъ.
60. *Origanum vulgare* L. Большія группы за Тоболомъ, много и въ березнякѣ по трактамъ.
61. *Glechoma hederacea* L. Разсыяна по рощамъ и около нихъ, въ березнякахъ.
62. *Dracosephalum thymiflorum* L. Встрѣчается за Тоболомъ.
63. *Dracosephalum Ruischiana* L. Нерѣдко встрѣчается въ рощахъ и березнякахъ.
64. *Lycopus exaltatus* L. Разсыянъ въ тальникѣ праваго берега рѣки Тобола.
65. *Scutellaria galericulata* L. Изрѣдка попадаетъ въ березнякѣ по Тюменскому тракту и на полянахъ около большой рощи.
66. *Stachys palustris* L. Большія группы вокругъ ивовыхъ кустовъ за Тоболомъ и часто—въ болотѣ по Омскому тракту, недалеко отъ города.
67. *Leonurus* sp. Много на пустыряхъ и навозахъ около города, а также—въ ближайшихъ рощахъ.
68. *Phlomis tuberosa* L. Встрѣчается группами подлѣ рощи Пономарева и за Тоболомъ.
69. *Prunella vulgaris* L. Много. Разсыяна у большой рощи, разсыяна и въ березнякахъ.
70. *Galeopsis ladanum* L. Попадаетъ при дорогѣ въ деревню Плюхину и въ огородахъ.
71. *Galeopsis tetrahit*. L. Встрѣчается довольно много въ огородахъ.
72. *Plantago maxima* Ait. Растетъ по террасамъ праваго берега рѣки Тобола.
73. *Plantago media* L. Часто встрѣчается на открытыхъ сухихъ мѣстахъ и около большой рощи.
74. *Convolvulus sepium* L. Встрѣчается за рѣкой.
75. *Cuscuta europaea* L. Встрѣчается около большой рощи, обвиняетъ крапиву.

76. *Polemonium coeruleum* L. Встрѣченъ на покосахъ за Тоболомъ (одинокимъ разсыяннымъ). Обильнѣе растетъ въ болотѣ по Омскому тракту.
77. *Myosotis sylvatica* Hoffm. Разсыяна въ березнякѣ по трактамъ.
78. *Pulmonaria mollis* Wolf. Слышалъ, что она весьма не рѣдка въ березнякахъ.
79. *Lythospermum arvense* L. Попадаетъ около пашень.
80. *Asperugo procumbens* L. Обильно растетъ въ городѣ подлѣ заборовъ.
81. *Echinopspermum Lappula* Lehm. Растетъ около пашень и на нихъ.
82. *Hyoscyamus niger* L. Встрѣчается на улицахъ.
83. *Solanum nigrum* L. Нерѣдокъ въ огородахъ.
84. *Solanum persicum* Willd. Растетъ въ садахъ, въ березнякѣ у Тюменскаго тракта (группами) и по правому берегу р. Тобола.
85. *Gentiana Amarella* L. Разсыяна въ березнякахъ.
86. *Gentiana cruciata* L. Тоже и на кладбищѣ.
87. *Gentiana pneumonanthe* L. Разсыяна по сырымъ лугамъ за Тоболомъ.
88. *Cynanchum vincetoxicum* R.Rg. Разсыянъ по лугамъ за Тоболомъ.
89. *Lysimachia vulgaris* L. Много разсыяно на покосахъ и въ тальникѣ за Тоболомъ.
90. *Glaux maritima* L. Растетъ группами на солончакахъ, къ западу отъ города.
91. *Androsace septentrionalis* L. Слышалъ, что это растеніе по-падаетъ въ большомъ количествѣ около города и собирается какъ цѣлебная трава.¹⁾

¹⁾ *Androsace septentr.* свойственъ всему Тюменскому округу (Словцовъ).

92. *Statice Gmelini* Willd. Разбросанъ по солончакамъ близъ дороги въ деревню Плюхину.
93. *Vaccinium Vitis idaea* L. Часто растеть на песчаной почвѣ „Борка“, попадаетъ и на верху сухихъ уваловъ съ сосенками за р. Тоболомъ.
- 94—95. *Vaccinium uliginosum* L. Попадаетъ еще на „Боркѣ“ но мало. Растеть въ Заманномъ бору съ черникой (*Vaccinium Myrtillus* L.)
96. *Calluna vulgaris* Salisb. Много растеть на песчаной почвѣ „Борка“, въ соснякѣ.
97. *Pyrola secunda* L. Очень не рѣдко попадаетъ разсѣянною въ большой березовой рошѣ.
98. *Chimophila umbellata* Pursh. Изрѣдка попадаетъ въ большой березовой рошѣ.
99. *Melilotus alba* Desr. Массами растеть за Тоболомъ и около дороги въ деревню Плюхину.
100. *Melilotus dentata* Pers. Встрѣчается большими группами также по дорогѣ въ Плюхину.
101. *Medicago falcata* L. Часто встрѣчается у рощи Пономарева.
102. *Trifolium pratense* L. Распространенъ всюду. Образуетъ большіе цвѣтники за Тоболомъ.
103. *Trifolium repens* L. Растеть и обилень въ березникахъ и на открытыхъ поляхъ.
104. *Trifolium montanum* L. Много повсюду; въ березникахъ—разсѣянъ, за Тоболомъ—обществами.
105. *Trifolium lupinaster* L. Разсѣянъ въ березникахъ и часто встрѣчается за Тоболомъ (розовый и бѣлый).
106. *Trifolium arvense* L. Попадаетъ большими группами, особенно при Тюменскомъ трактѣ.
107. *Trifolium medium* L. Разбросанъ по опушкамъ, въ березнякѣ и внутри большой рощи.
108. *Caragana arborescens* Lam. Растеть въ садахъ.

109. *Astragalus hypoglottis* L. Встрѣчается въ березнякѣ по Тюменскому тракту и часто разсѣянъ по полямъ между березовыми рощами.
110. *Onobrychis sativa* Lam. (*O. viciaefolia* Scop.) Встрѣчена одна группа у рощи Пономарева.
111. *Vicia cracca* L. Множество за Тоболомъ. (Хорошій кормъ для скота; мѣстное названіе: вязиль).
112. *Vicia sericum* L. Разсѣянъ на дугахъ за Тоболомъ; попадаетъ изрѣдка и въ березникахъ.
113. *Lathyrus pratensis* L. Обильна. Растеть группами за Тоболомъ, встрѣчается и въ березникахъ.
114. *Lathyrus pisiformis* L. Не рѣдка за Тоболомъ.
115. *Sorbus aucuparia* L. Водится въ садахъ¹⁾.
116. *Crataegus sanguinea* Pall. Встрѣчается за рѣкою.
117. *Rosa cinnamomea* L. Довольно часто встрѣчается въ березнякѣ вправо отъ Тюменскаго тракта и подлѣ, а также и внутри большой рощи.
118. *Geum strictum* Ait. Разсѣянъ въ березнякѣ по Тюменскому тракту и часто встрѣчается на поляхъ.
119. *Agrimonia pilosa* Led. Часто встрѣчается въ березникахъ.
120. *Sanguisorba officinalis* L. Часто разсѣяна на дугахъ за Тоболомъ, встрѣчается и въ рошѣ Пономарева.
121. *Fragaria vesca* L. Громаднѣйшая масса въ рощахъ; оч. много на „Боркѣ“, много и въ березникахъ (напр. по Тюменск. тракту).
122. *Fragaria collina* Ehrh. Множество по полямъ, по опушкамъ рошѣ, по склонамъ уваловъ за Тоболомъ.
123. *Potentilla anserina* L. Массы на равнинѣ между городомъ и рѣкою, множество и въ березникахъ, и на открытыхъ поляхъ.
124. *Potentilla tormentilla* Schr. Множество въ березнякѣ около трактовъ и на „Боркѣ“.
125. *Potentilla argentea* L. Множество въ березникахъ и на сухихъ, открытыхъ поляхъ.

¹⁾ Дико же—верстахъ въ 20 отъ города по пути въ Лубаево.

126. *Potentilla viscosa* Don. Встрѣчается въ небольшомъ количествѣ у роши Пономарева.
127. *Potentilla supina* L. Растетъ на улицахъ города.
128. *Rubus saxatilis* L. Очень часто встрѣчается по дорогѣ къ „Борку“ (вправо отъ Омскаго тракта) и на самомъ „Боркѣ“.
129. *Rubus idaeus* L. Въ садахъ и дико, веретъ за 17; привозятъ татары.
130. *Spigaea ulmaria* L. Много на влажныхъ лугахъ за Тоболомъ, въ болотѣ по Омскому тракту и въ рошѣ Пономарева.
131. *Spigaea filipendula* L. Много разсѣяно на сухихъ, открытыхъ поляхъ и въ березникахъ.
132. *Spigaea crenifolia* C. A. Mey.?. Встрѣченъ кустъ въ березникѣ, недалеко отъ большой роши.
133. *Prunus padus* L. Часто встрѣчается въ садахъ.
134. *Prunus cerasus* L. Водится въ садахъ, давая хорошіе, но не обильные плоды.
135. *Epilobium angustifolium* L. Встрѣчается группами на лугахъ за Тоболомъ.
136. *Hippuris vulgaris* L. Растетъ огромными группами у озеръ, на низкихъ, болотистыхъ берегахъ.
137. *Lythrum virgatum* L. Окружаетъ ивовые кусты на влажныхъ лугахъ за Тоболомъ.
138. *Lythrum salicaria* L. Растетъ по сырымъ мѣстамъ и въ болотѣ по Омскому тракту.
139. *Sedum Telephium* L. Изрѣдка попадаетъ разсѣяннымъ за Тоболомъ.
140. *Ribes nigrum* L. Много въ окрестностяхъ города, за Тоболомъ и къ югозападу.
141. *Ribes rubrum* L. Разводится въ садахъ.

142. *Carum carvi* L. Растетъ группами въ березникѣ по Тюменскому тракту.
143. *Pimpinella saxifraga* L. Разсѣянъ въ березникѣ.
144. *Sium latifolium* L. Попадается въ тальникѣ по правому берегу р. Тобола.
145. *Heracleum sibiricum* L. Обильно и отлично разрастается въ рошѣ Пономарева.
146. *Cnidium venosum* Koch. Разсѣянъ въ березн. около трактовъ.
147. *Pastinaca sativa* L. Встрѣченъ около роши Пономарева.
148. *Angelica sylvestris* L. Въ рошѣ Пономарева.
149. *Rhamnus Frangula* L. Попадается разсѣянною въ березникѣ у Тюменскаго тракта; слышалъ, что она растетъ и за р. Тоболомъ.
150. *Polygala comosa* Schk. Довольно часто разсѣянъ въ березникахъ, по опушкамъ и за Тоболомъ.
151. *Geranium pratense* L. Растетъ въ городѣ и около Тюменскаго тракта, группами; попадаетъ и за Тоболомъ.
152. *Geranium sibiricum* L. Множество на улицахъ.
153. *Erodium cicutarium* L'Her. Попадается, но мало, одиноко, въ городѣ и на пустыряхъ.
154. *Tilia parvifolia* Ehrh. Въ садахъ. Есть старня, высокія, отлично разросшіяся деревья.
155. *Malva borealis* Wallm. Множество на улицахъ.
156. *Lavatera thuringiaca* L. Попадается въ огородахъ и довольно часто разсѣяна на кладбищѣ.
157. *Viola ageraria* Dc. Разсѣяна на песчаной почвѣ „Борка“.
158. *Viola mirabilis* L. Попался экземпляръ въ рошѣ Пономарева.

159. *Hypericum perforatum* L. Часто встрѣчается въ березнякѣ около трактовъ; разсыянъ и за Тоболомъ.
160. *Fumaria officinalis* L. Встрѣчена въ весьма небольшомъ количествѣ при дорогѣ въ Плюхину.
161. *Nasturtium palustre* Dc. Часто на берегахъ Тобола, озеръ и около болотъ.
162. *Nasturtium amphibium* R. Br. Разбросанъ по лѣвую сторону Тобола неподалеку отъ берега.
163. *Sisymbrium Sophia* L. Много на улицахъ.
164. *Sisymbrium officinale* Scop. Много на улицахъ города вмѣстѣ съ предыдущимъ.
165. *Lepidium guderale* L. Множество въ городѣ; массы на топкихъ мѣстахъ у дороги въ Плюхину.
166. *Capsella bursa pastoris* Mönch. Множество въ городѣ—на улицахъ, во дворахъ.
167. *Neslia paniculata* Desv. Часто попадаетъ около пашень.
168. *Thlaspi arvense* L. Встрѣчается въ городѣ.
169. *Camelina sativa*. Crantz. Встрѣчается около пашень.
170. *Erysimum cheiranthoides* L. Довольно часто встрѣчается на городскихъ улицахъ.
171. *Pulsatilla patens* Mill. Много въ окрестностяхъ города, какъ я слышалъ.
172. *Anemone dichotoma* L. Разсыянъ на покосахъ за Тоболомъ.
173. *Adonis vernalis* L. Встрѣчается въ березнякахъ.
174. *Ranunculus reptans* L. Растетъ въ болотцѣ между березовыми рощами.
175. *Ranunculus repens* L. Растетъ на сырыхъ, болотистыхъ мѣстахъ, между рощами.
176. *Ranunculus polyanthemos* L. Часто разсыянъ по полямъ.
177. *Polygonum amphibium* L. Много на болотахъ равнины между рѣкой и городомъ.

178. *Polygonum aviculare* L. Огромныя массы на улицахъ и площадяхъ города.
179. *Polygonum convolvulus* L. Попадаетъ въ городѣ, въ огородахъ и садахъ.
180. *Rumex acetosella* L. Множество. Образуетъ огромныя сплошныя массы, покрывая краснымъ цвѣтомъ цѣлыя поляны за Тоболомъ.
181. *Atriplex littoralis* L. Обильна на солончакахъ по дорогѣ въ деревню Плюхину.
182. *Gypsophila muralis* L. Оч. много за Тоболомъ и около рощъ.
183. *Dianthus Seguieri* Vill. Не рѣдка въ березнякѣ между трактами.
184. *Silene inflata* Sm. Встрѣчается въ городѣ и около пашень.
185. *Silene nutans* L. Очень распространена на лугахъ, часто встрѣчается и въ березнякахъ.
186. *Silene chlorantha* Ehr. Разсыяна на сухихъ мѣстахъ, попадаетъ на опушкахъ.
187. *Lychnis chalconica* L. Растетъ въ колкахъ за Тоболомъ и у Зиновской поскотины.
188. *Lychnis vespertina* Sibth. Попадаетъ около березов. рощъ.
189. *Lychnis viscaria* L. (*Viscaria vulgaris* Röhl.) Встрѣчается разсыянно въ березнякѣ по Тюменскому тракту.
190. *Agrostemma Githago* L. Множество въ хлѣбахъ.
191. *Arenaria graminifolia* Schrad. Разсыяна одиноко въ березнякѣ.
192. *Cerastium vulgatum* L. Изрѣдка разсыяна по дорогамъ и по окраинамъ города.
193. *Stellaria media* Vill. Множество въ городѣ.
194. *Stellaria graminea* L. Часто разсыяна по открытымъ, сухимъ мѣстамъ.
195. *Spergula arvensis* L. Попалась небольшая группа близъ города при Тюменскомъ трактѣ.
196. *Urtica urens* L. Растетъ въ городѣ какъ и—

197. *Urtica dioica* L. Обильна на навозахъ; ею заростають ближайшія къ городу березовыя рощи.
198. *Cannabis sativa* L. Встрѣчается довольно часто на пустыряхъ и въ огородахъ.
199. *Humulus lupulus* L. Отлично разрастается въ городѣ; слышалъ, что онъ растеть и дико¹⁾.
200. *Betula alba* L. Образуетъ рощи около города; березнякъ всё разрастается.
201. *Salix viminalis* L. Образуетъ чашу по правому берегу р. Тобола.
202. *Salix amygdalina* L. *β. concolor* Koch. Живетъ массами вмѣстѣ съ предыдущимъ видомъ.
203. *Populus tremula* L. Часто растеть въ колкахъ и съ березой въ рощѣ Пономарева; въ березнякъ по Омскому тракту растеть около самого города.
204. *Sagittaria sagittaefolia* L. Много въ болотахъ равнины между городомъ и рѣкою.
205. *Vitium umbellatus* L. Весьма распространенъ въ болотахъ, много и по правому берегу Тобола.
206. *Alisma plantago* L. Много по правому берегу Тобола и на болотахъ.
207. *Alisma natans* Poll.? Встрѣчается по правому берегу р. Тобола, напр. дорогой на покосы.
208. *Triglochin maritimum* L. Растеть вмѣстѣ съ —
209. *Triglochin palustre* L. на солончакахъ по дорогѣ въ деревню Плюхину.
210. *Gymnadenia conopsea* R. Вр. Разсѣянъ въ ямахъ на «Боркѣ» и въ березнякъ около Тюменскаго тракта.

¹⁾ По Словцову, хмѣль дико растеть въ ивнякахъ, напримѣръ около дер. Переваловой.

211. *Triticum repens* L. Часто встрѣчается въ огород. и на лугахъ.
212. *Bromus inermis* Leys. Отлично разрастается на лугахъ за р. Тоболомъ.
213. *Poa annua* L. Часто попадаетъ въ городѣ, во дворахъ и огородахъ.
214. *Agrostis alba* L. Встрѣчается за Тоболомъ.
215. *Alopecurus fulvus* Sm. Встрѣчается тамъ же.
216. *Phleum pratense* L. Хорошо растеть тамъ-же.
217. *Phalaris arundinacea* L. Растеть на сырыхъ мѣстахъ за Тоболомъ.
218. *Beckmannia erucaeformis* Host. Отлично разрастается и часто встрѣчается за Тоболомъ.
219. *Scirpus lacustris* L. Растеть густыми группами около болотъ.
220. *Scirpus maritimus* L. Встрѣчается въ тальникѣ по правому берегу рѣки Тобола.
221. *Scirpus palustris* L. (*Eleocharis*). Группами растеть въ болотахъ.
222. *Typha latifolia* L. Обилень (мѣстами) на болотахъ за Тоболомъ.
223. *Asparagus officinalis* L. Попадаетъ разсѣянною на лугахъ за Тоболомъ.
224. *Polygonatum officinale* All. Встрѣчается въ рощахъ, напр. Пономарева, гдѣ достигаетъ замѣчательнаго развитія.
225. *Majanthemum bifolium* Dc. Разбросанъ въ березнякъ между трактами.
226. *Juncus articulatus* L. Множество за Тоболомъ, особенно при дорогахъ на покосы.
227. *Juncus compressus* Jacq. Множество за Тоболомъ, также — при дорогахъ.
228. *Luzula campestris* R. Вр. Весьма обильна за Тоболомъ.

229. *Pinus sylvestris* L. Молодые сосны «Борка». Одинокия сосенки въ березнякѣ направо отъ тракта на Омскъ, а также на увалахъ за Тоболомъ. Громадный Заманый боръ.
Позднѣйшее добавленіе. Вышеприведенный перечень нужно дополнить названіями слѣдующихъ видовъ.
230. *Scabiosa succisa* L. Часто встрѣчается въ березнякѣ около трактовъ. Въ іюль еще не цвѣла.
231. *Symphytum officinale?* L. (съ чашечкою короче вѣнчика). Встрѣчается по правому берегу Тобола, въ тальникѣ, на сырыхъ мѣстахъ.
232. *Melampyrum pratense* L. Растетъ на песчаной почвѣ не далеко отъ города, около тракта на Ишимъ, въ березнякѣ.
233. *Eriopactis Helleborine* Crantz. Разбросанъ среди высокихъ травъ въ рощѣ Пономарева.
234. *Lilium Martagon* L. Изрѣдка попадалась между кустами папоротника въ березнякѣ у Тюменскаго тракта.

Мих. Сіазовъ.

СТАТИСТИКА ОМСКОЙ И ТЮМЕНСКОЙ ФЛОРЪ.

СОПОСТАВЛЕНІЕ ОМСКОЙ ФЛОРЫ СЪ ТЮМЕНСКОЮ.

Прошло не болѣе 3-хъ лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ вышелъ X-й выпускъ „Записокъ“ Западно-Сибирскаго Географическаго Отдѣла, содержащій въ себѣ, между прочимъ, статью мою — „Итоги изслѣдованія Омской флоры“, а въ настоящее время эта статья является уже устарѣвшею: изслѣдователь Омской флоры, К. Л. Гольде, разобравшись въ собранномъ имъ матеріалѣ, далъ намъ *новый перечень* мѣстныхъ травъ, кустарниковъ и деревьевъ, значительно дополнившій таковой-же, составленный мною въ 1888 г. Въ перечень Гольде впервые опубликованы данныя касательно періода вегетации собранныхъ имъ видовъ, въ большинствѣ случаевъ подтверждаемыя моими собственными ежегодными наблюденіями, которыя я надѣюсь сдѣлать извѣстными въ будущемъ; такъ что и въ этомъ послѣднемъ отношеніи новый трудъ Гольде является значительнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ изученія мѣстной флоры лѣтнихъ. Пользуясь только что названнымъ перечнемъ, къ которому слѣдуетъ присоединить лишь немного видовъ, найденныхъ въ окрестностяхъ г. Омска до текущаго 1892 года, и — новымъ изданіемъ Отдѣла — почтеннымъ трудомъ неутомимаго изслѣдователя Западной Сибири, Ив. Як. Словцова: „*Фитографическое описаніе Тюменскаго округа*“, я имѣлъ возможность сдѣлать сопоставленіе Омской флоры съ Тюменскою, причемъ получилъ слѣдующіе результаты:

1. При одинаковомъ почти протяженіи области изслѣдованной К. Л. Гольде и Тюменскаго округа (обстоятельство весьма благоприятное для сравненія флоръ), первая богаче втораго 62-мя видами лѣтнихъ: въ Омской флорѣ я насчитываю теперь 566 видовъ, въ Тюменской — 504 вида. Такое различіе можно объяс-

нить разницей географических широтъ; чѣмъ южнѣе область, тѣмъ богаче она растительностью.

2. Не смотря на значительное различіе характера сравниваемыхъ областей (Тюменскій округъ лежитъ въ лѣсной полосѣ Западной Сибири, въ полосѣ хвойныхъ и лиственныхъ лѣсовъ, между тѣмъ какъ вокругъ Омска простираются степи), число видовъ *общихъ* для обѣихъ мѣстностей весьма значительно. Изъ 504 видовъ Тюменскаго округа по меньшей мѣрѣ 324 вида, или $\frac{9}{14}$ только что упомянутого числа явнотрачныхъ, свойственны и Омской степи: южный, сосново-лиственный, участокъ лѣсной полосы Тобольской губерніи постепенно переходитъ въ степь съ ея березовыми рощами и солонцами, и травы степей забираются далеко на сѣверъ и водворяются тамъ, въ мѣстностяхъ огражденных отъ вѣтровъ дремучими хвойными лѣсами, мѣстностяхъ, гдѣ песчаная почва доставляетъ выходцамъ съ юга необходимое для нихъ количество теплоты, такъ какъ такая почва способна прогрѣваться подъ солнечными лучами и хорошо удерживаетъ въ себѣ теплоту.

3. Явнотрачныя сравниваемыхъ флоръ распредѣляются по классамъ слѣдующимъ образомъ:

двусѣмянодольныхъ въ Омской флорѣ—444 в., въ Тюменск.—404, односѣмянодольныхъ въ Омской флорѣ—121 в., въ Тюменск.— 94, голосѣмянныхъ въ Омской флорѣ — 1 в., въ Тюменск.— 6¹⁾.
 Отношеніе двудольныхъ ко всей флорѣ у насъ = $\frac{1}{1,27}$, въ Тюм. флорѣ $\frac{1}{1,25}$,
 отношеніе однодольныхъ ко всей флорѣ у насъ = $\frac{1}{4,68}$, въ Тюм. флорѣ $\frac{1}{5,36}$,
 отношеніе однодольныхъ къ двудольн. у насъ = $\frac{1}{3,67}$, въ Тюм. флорѣ $\frac{1}{4,30}$.

Какъ видно изъ цифръ, относительное количество двусѣмянодольныхъ Омской степи, несмотря на ея болѣе южное и болѣе континентальное положеніе, почти такое же что и въ Тюменской флорѣ, такъ какъ мѣстныя условія обогащаютъ степь массой односѣмянодольныхъ растений: наши прирѣчные болотистые луга даютъ пріютъ весьма значительному количеству видовъ семейства

¹⁾ Необходимо замѣтить, что мои цифры отличаются отъ цифръ И. Я. Словцова, такъ какъ я долженъ былъ исключить изъ его списка культурные виды, какъ не входящіе въ списки *Омскихъ* видовъ.

Сурегасеае, многимъ злакамъ и другимъ представителямъ класса односѣмянодольныхъ.

4. Группируя растенія по времени ихъ существованія и находя отношеніе количествъ однолѣтнихъ, дву-и-многолѣтнихъ, а также кустарныхъ и древесныхъ породъ къ полному числу видовъ разсматриваемыхъ флоръ, мы получаемъ слѣдующія цифры:

Кустарниковъ и деревьевъ въ Омской флорѣ—38 в., въ Тюмен.—54; отношеніе $\frac{1}{2}$ породъ ко всей флорѣ у насъ = $\frac{1}{14,90}$, въ Тюм. фл. = $\frac{1}{9,33}$; дву-многолѣтнихъ вид. въ Омской флорѣ—424 в., въ Тюм. фл.—376; отношеніе $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ вид. ко всей фл. у насъ = $\frac{1}{1,33}$, въ Тюм. фл. = $\frac{1}{1,34}$; однолѣтнихъ видовъ въ Омской флорѣ—104 в., въ Тюм. фл.—74, отношеніе $\frac{1}{2}$ видовъ ко всей флорѣ у насъ = $\frac{1}{5,44}$, въ Тюм. фл. = $\frac{1}{6,81}$.

Такимъ образомъ, Омская флора не отличается отъ Тюменской относительнымъ количествомъ дву-и-многолѣтнихъ видовъ, превосходитъ её числомъ однолѣтнихъ травъ и значительно уступаетъ ей въ числѣ кустарниковъ и деревьевъ. Изъ кустарниковъ степь богата только ивами прирѣчныхъ низинъ; зато у насъ нѣтъ ни хвойныхъ деревьевъ, за исключеніемъ сосны, ни ольхъ, ни такихъ кустарниковъ какъ *Oxycoccus*, *Andromeda*, *Ledum*, *Calluna*, и т. п. видовъ, свойственныхъ борамъ и торфянымъ болотамъ Тюменскаго края: онъ бѣднѣе нашей степи однолѣтними видами и богаче кустарниками и деревьями въ силу своего болѣе сѣвернаго положенія.

5. Въ Омской флорѣ имѣютъ своихъ представителей 68 семействъ явнотрачныхъ, въ Тюменской—70: 63 семейства - общія для обѣихъ флоръ; 5, а именно *Frankeniaceae*, *Callitrichineae*, *Ceratophylleae*, *Amaranthaceae*, *Santalaceae*, обнаружены, пока, только въ Омской флорѣ¹⁾ и 7, а именно - *Hypericineae*, *Balsamineae*, *Oxalideae*, *Saxifrageae*, *Ericineae*, *Polemoniaceae*, *Thyme-*

¹⁾ Къ нимъ относятся только 5 видовъ; 1—сорная трава, очень обыкновенная (*Amaranthus retroflexus* L.), 2—растенія стоячихъ водъ и 2—степныя виды: *Frankenia hispida* Dc. встрѣч. на солончаковой почвѣ къ W отъ Омска и *Thesium refractum* С. А. М. рѣдко, одиночно, разсѣянъ по Оми между кустарниками и подъ березами (въ Приуральскихъ степяхъ, по Ю. Шеллю, встрѣчается только на солончакахъ).

leae, свойственны лишь Тюменской флорѣ¹⁾.

6. Распределение видовъ по семействамъ общимъ для обѣихъ сравниваемыхъ флоръ— слѣдующее: къ сем. Ranunculaceae относятся въ Омской флорѣ 25 видовъ, въ Тюменской— 21 в.; къ сем. Fumariaceae—по 1 виду²⁾; къ Nymphaeaceae—по 2 вида, къ Sciferae—38 и 19 в.; къ Violariaceae—4 и 5 в.; къ Droseraceae—1 и 2 в.; къ Polygaleae—2 и 1 в.; къ Caryophylleae (Sileneae и Alsineae)—по 28 в.; къ Tiliaceae—по 1 в.; къ Malvaceae—6 и 3 в.; къ Geraniaceae—по 5 в.; къ Rhamnaceae—по 1 виду; къ Papilionaceae—30 и 25 в.; къ Rosaceae—по 25 в.; къ Potamoceae—4 и 3 в.; къ Onagraceae—2 и 4 в.; къ Haloragaceae—3 и 1 в.; къ Lythraceae—по 2 в.; къ Crassulaceae—1 и 2 в.; къ Grossulariaceae—2 и 3 в.; къ сем. Umbelliferae—19 и 21 в.; къ Corneae—по 1 в.; къ Caricifoliaceae—3 и 6 вид.; къ Rubiaceae—4 и 6 в.; къ семействамъ Valerianaceae и Dipsacaceae—по 1 виду (у насъ—*Scabiosa ochroleuca* L., въ Тюм. флорѣ—*Scabiosa succisa* L.); къ Compositae—73 и 68 в.; къ Campanulaceae—4 и 8 в.; къ Vacciniaceae—1 и 4 в.; къ Pyrolaceae—4 и 7 в.; къ Lentibulariaceae—по 1 в.; къ Primulaceae—по 6 в.; къ Asclepiadeae—2 и 1 в.; къ Gentianeae—6 и 5 в.; къ Convolvulaceae (+Cuscutaceae)—4 и 2 в.; къ Boraginaceae—10 и 11 в.; къ Solanaceae—по 3 в.; къ Scrophulariaceae (+Orobanchaceae)—23 и 24 в.; къ Labiatae—17 и 18 в.; къ Plumbagineae—3 и 1 в.³⁾; къ Plantagineae—6 и 2 в.; къ Chenopodeae—25 и 5 в.; къ Polygoneae—19 и 15 в.; къ Euphorbiaceae—по 3 в.; къ Urticaceae—3 и 4 в.; къ Salicaceae—13 и 11 в.; къ Betulaceae—1 и 4 в.; къ Typhaceae—4 и 2 в. (у насъ—*Typha angustifolia* L., а въ Тюменскомъ и особенно Ялutorовскомъ округахъ—*T. latifolia* L.); къ Aroideae—по 1 виду (у насъ—*Acorus calamus* L., а въ Тюменской флорѣ—*Calla palustris* L.); къ Lemnaceae—3 и 2 в.; къ Potamoceae—7 и 4 в.; къ Juncagineae—2 и 1 в.; къ Alismaceae—по 2 в.; къ Butomeae—по 1 в.; къ Hydrocharideae—по 2 в.; къ Orchideae—5 и 11 в.; къ Irideae—3 и 2 в. (у насъ—*Iris Goldenstaediana* Lepech., а въ Тюменскомъ округѣ—*I. sibirica* L.); къ Asparageae—по 4 в.; къ Liliaceae—6 и 3 в.; къ Juncaceae—4 и 6 в.; къ Cyperaceae—36 и 21 в.; къ Gramineae—41 и 32 в.; къ Coniferae—1 и 6 видовъ.

7. Если изъ только-что поименованныхъ семействъ, общихъ для обѣихъ сравниваемыхъ флоръ, мы возьмемъ тѣ, которыя наиболѣе богаты видами, выведемъ отношеніе числа видовъ каждаго такого семейства къ общему числу видовъ флоры и найдемъ мѣсто, занимаемое каждымъ семействомъ по числу видовъ между другими, то у насъ получится слѣдующая таблица:

Названіе наиболее богатыхъ семействъ	Омская флора			Тюменская флора		
	Число видовъ семейства	Отношеніе числа видовъ семейства къ числу видовъ всей флоры	Мѣсто занимаемое семействомъ по числу видовъ	Число видовъ семейства	Отношеніе числа видовъ семейства къ числу видовъ всей флоры	Мѣсто занимаемое семействомъ по числу видовъ
Compositae	73	1: 7,75	1	68	1: 7,41	1
Gramineae	41	1: 13,80	2	32	1: 15,75	2
Cruciferae	38	1: 14,89	3	19	1: 26,52	7
Cyperaceae	36	1: 15,72	4	21	1: 24,00	6
Papilionaceae	30	1: 18,86	5	25	1: 20,16	4
Caryophylleae	28	1: 20,21	6	28	1: 18,00	3
Chenopodeae	25	1: 22,64	7	5	1: 100,8	14
Rosaceae	25	1: 22,64	7	25	1: 20,16	4
Ranunculaceae	25	1: 22,64	7	21	1: 24,00	6
Scrophulariaceae	23	1: 24,60	8	24	1: 21,00	5
Polygoneae	19	1: 29,78	9	15	1: 33,60	9
Umbelliferae	19	1: 29,78	9	21	1: 24,00	6
Labiatae	17	1: 33,29	10	18	1: 28,00	8
Salicaceae	13	1: 43,53	11	11	1: 45,82	10
Boraginaceae	10	1: 56,60	12	11	1: 45,82	10
Orchideae	5	1: 113,2	18	11	1: 45,82	10

¹⁾ 9 видовъ. Растенія боровъ и лиственныхъ лѣсовъ. *Nuregium perforatum* L. указывается для Омска Словоцовымъ (*Plantas in deserto Kirghisorum sibiricorum ab I. Slowzow collectas enumeravit R. E. a Trautvetter. Petropoli. 1887*), но ни Килломанъ, ни Гольде, ни я не встрѣчали его около Омска.

²⁾ *Corydalis carpoides* Dc. Южнѣ Тюменскаго округа, подлѣ Ялutorовска, мною былъ найденъ и другой видъ, а именно—*Fumaria officinalis* L.

³⁾ Словоцовымъ около Тюмени и мною около Ялutorовска обнаружено присутствіе *Statice Gmelini* Willd.

8. Какъ видно изъ этой таблицы, Омская флора сходна съ Тюменскою въ томъ, что наиболѣе богатыми семействами въ обѣихъ являются Compositae и Gramineae. Далѣе видно, что первая флора нѣсколько бѣднѣе второй представителями семействъ Umbelliferae и Boragineae, а также—Scrophularineae и (относительно)—Rosaceae и Caryophyllae; но зато богаче видами Polygonaceae и Papilionaceae. Въ то же время между сравниваемыми флорами обнаруживается рѣзкое различіе по отношенію къ семействамъ Sciferae, Cypripedaceae и—особенно—Chenopodeae и Orchideae: Омская степь изобилуетъ крестоцвѣтными, осоковыми и маревыми, но бѣдна орхидными, между тѣмъ какъ въ Тюменскомъ округѣ осоки составляютъ только $\frac{1}{24}$ часть всей флоры, крестоцвѣтныя—менѣе $\frac{1}{26}$, маревыя—поразительное различіе!—менѣе $\frac{1}{100}$, а орхидныхъ—цѣлыхъ 11 видовъ (у насъ—5). Различія эти, по моему мнѣнію, можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Омская флора должна быть бѣднѣе Тюменской какъ числомъ видовъ, такъ и количествомъ особей семейства орхидныхъ, такъ какъ у насъ нѣтъ тѣнистыхъ лѣсовъ и почва слишкомъ открыта солнцу: орхидныя Омской флоры (*Orchis latifolia* L., *Gymnadenia Conopsea* R. Br., *Cypripedium calceolus* L., *Cypripedium guttatum* Sw. и *Epipactis Helleborine* Crantz¹⁾) сохраняются только благодаря наличности болотъ и кустарниковъ въ рѣчныхъ долинахъ. Крестоцвѣтныя нашей флоры, не найденныя въ Тюменскомъ округѣ, суть виды: 1) исключительно степные, характерныя для солончаковъ и сухихъ открытых покатостей съ глинистой, песчаноглинистой и сухой-черноземной почвой, 2) растенія влажныхъ прирѣчныхъ луговъ какъ степной, такъ и лѣсостепной области. Послѣдніе виды должны быть свойственны и Тюменской флорѣ²⁾, но ускользнули отъ вниманія, чѣмъ и объясняется слишкомъ большая разница разсматриваемыхъ флоръ по числу видовъ этого семейства. Недостаточностью сдѣланныхъ наблюденій, несомнѣнно, обуславливается также пе-

¹⁾ Видъ, найденный мною по правую сторону Оми въ сыромъ догу (1885 г.).

²⁾ Такъ, въ Тюменскомъ округѣ долженъ быть *Nasturtium amphibium* R. Br.: я нашелъ его въ окрестностяхъ Ялуторовска, гдѣ въ теченіе одного только мѣсяца (іюля 1889 г.) мнѣ попалось на глаза 11 вид. сем. крестоцвѣтныхъ.

малое различіе сравниваемыхъ флоръ по числу видовъ, принадлежащихъ къ сем. осоковыхъ: болѣе $\frac{2}{3}$ общаго числа видовъ, найденныхъ у насъ,—растенія болотъ и сырыхъ прирѣчныхъ луговъ, а въ сырыхъ лугахъ и болотахъ нѣтъ недостатка и въ Тюменскомъ округѣ. Наконецъ, что касается сем. маревыхъ, то число его представителей въ Омской флорѣ должно быть значительно (и гораздо больше, нежели въ Тюменской) потому, что въ ней, сверхъ обыкновеннѣйшихъ, такъ-сказать, космополитическихъ формъ, входитъ еще много степныхъ видовъ, свойственныхъ главнымъ образомъ солончакамъ и затѣмъ—сухимъ, тощимъ, бесплоднымъ участкамъ открытой степи. Половина нашихъ маревыхъ—растенія солончаковыя: степь изобилуетъ солонцами. Есть основанія думать, что будущія изслѣдованія обогатятъ нашу флору еще нѣсколькими видами этого-же семейства¹⁾ и тогда разница между Омской и Тюменской флорой маревыхъ сдѣлается еще болѣе значительною, хотя бы и въ Тюменской флорѣ, въ результатъ болѣе подробнаго изученія мѣстности, число маревыхъ тоже нѣсколько увеличилось.

9. Въ семействѣ Compositae наиболѣе богаты видами въ Омской флорѣ роды *Artemisia* (полынь), *Senecio* (крестовникъ) и затѣмъ—*Hieracium* (ястребинка): къ первому относятся 13 видовъ и онъ очень богатъ числомъ особей, ко второму—5 видовъ и къ третьему—4; въ Тюменской же флорѣ первыя мѣста занимаютъ роды *Senecio* (8 видовъ) и *Cirsium* (маточникъ, 6 в.), а затѣмъ—*Hieracium*, *Centaurea* (василекъ) и *Artemisia* (по 4 вида каждый). Представители рода *Artemisia*—характерныя растенія Омской степи. Въ сем. Gramineae первое мѣсто по числу видовъ въ Омской флорѣ принадлежитъ роду *Calamagrostis* (вѣйникъ), имѣющему 5 видовъ; за нимъ слѣдуютъ: *Elymus* (колосникъ), *Poa* (мятликъ), имѣющіе по 4 вида, и *Stipa* (ковыль), съ 3-мя видами. Въ Тюменской флорѣ выдаются роды *Poa* (5 вид.) и *Calamagrostis* (3 вида); *Stipa* представленъ лишь однимъ видомъ, а *Elymus*,

¹⁾ Можно, напримѣръ, ожидать находки *Chenopodium hybridum*, *Chenopodium urticum* L. Оба эти вида, по Ю. Шеллю, входятъ въ Оренбургскую флору и оба найдены были Слозцовымъ въ степяхъ на SW (*Plantas Kirghisorum* etc.), а первый видъ и въ Тюменскомъ округѣ (Фитогр. опис.).

представители которого свойственны сухимъ возвышеннымъ мѣстамъ на берегахъ Оми, въ Тюменскомъ округѣ не обнаружены. Между Cruciferae Омской флоры обильнѣе другихъ видами роды *Lepidium* (крессъ—6 вид.), *Sisymbrium* (гулявникъ—4 вида) и *Nasturtium* (жеруха—3 вида); видами *Lepidium* степь обязана солончакамъ. Въ Тюменской флорѣ нѣтъ выдающихся родовъ Cruciferae; родъ *Lepidium* представленъ только однимъ видомъ—*Lep. ruderale* L. (клоповникъ). Въ сем. Сурегасеае въ обѣихъ сравниваемыхъ флорахъ первенствуютъ роды *Scirpus* (камышъ) и *Carex* (осока); къ первому въ Омской флорѣ относится 4 вида, въ Тюменской—3, ко второму—27 и 15 видовъ. Это—богатѣйшій родъ въ обѣихъ флорахъ. Изъ родовъ сем. Papilionaceae въ Омской флорѣ первое мѣсто принадлежитъ роду *Astragalus* (астрагалъ), имѣющему у насъ 8 видовъ; за нимъ слѣдуютъ: *Lathyrus* (чина), представленный (въ обѣихъ флорахъ) 4 видами, *Trifolium* (клеверъ), *Vicia* (горошекъ) и *Medicago* (люцерна), имѣющие по 3 вида. Въ Тюменской же флорѣ первенствуетъ родъ *Trifolium*: къ нему принадлежатъ 7 видовъ; къ р. *Vicia* принадлежитъ 4 вида, къ р. *Astragalus*—2 вида и къ р. *Medicago* лишь 1 видъ¹⁾. Caryophylleae сравниваемыхъ флоръ, за исключеніемъ рода *Lychnis* (горичвѣтъ), не представляютъ рѣзкихъ различій: въ обѣихъ флорахъ болѣе богатыми родами являются: *Silene*, *Stellaria*, *Dianthus* и *Arenaria* (куколица, звѣздчатка, гвоздика и песчанка). Къ первому роду въ Омской флорѣ относятся 7 видовъ, въ Тюменской—5; ко второму—по 5; къ третьему въ Омской флорѣ 4, въ Тюменской—5 видовъ; къ четвертому въ Омской флорѣ—5 видовъ, въ Тюменской—3. Омская флора гвоздичныхъ увеличивается степными видами, напр. *Silene otites* Sm., *Silene viscosa* Pers., а Тюменская—лѣсными и лѣсо-степными, напр. *Spergula arvensis* L., *Lychnis chalconica* L.,

¹⁾ Въ числѣ мотыльковыхъ Омской флоры должна быть отмѣчена, какъ видъ характерный для солончаковой степи, *Glycyrrhiza glandulifera* W. et K. (солодка); въ Тюменскомъ же округѣ обращаетъ на себя вниманіе присутствіе въ бору по Турѣ и Тавдѣ ракичника, *Cytisus biflorus* L'Herit. (Средняя температура іюля тамъ достаточно высока. См. Фитогр. оп. Тюм. окр.)

Lychnis Flos cuculi L., *Lychnis viscaria* L. Сем. Chenopodeae имѣетъ въ Омской флорѣ 11 родовъ, въ Тюменской-же только 3, причемъ наиболѣе богатыми являются въ обѣихъ мѣстностяхъ роды *Chenopodium* и *Atriplex* (марь и лебеда). Къ первому роду относятся въ Омской флорѣ 7 видовъ, ко второму—4, въ Тюменской-же изъ перваго рода найдены 3 вида, изъ втораго—1. Въ сем. Rosaceae на первомъ мѣстѣ по числу видовъ стоитъ въ обѣихъ флорахъ родъ *Potentilla* (лапчатка); въ Тюменской флорѣ къ нему относятся 6 видовъ, изъ коихъ одинъ (*P. Tomentilla* Schrank.)—растение лѣсовъ съ песчаной почвой; въ Омской флорѣ—9 вид. *Potentillae* (входятъ нѣкоторые степные виды). Второе мѣсто въ Тюменской флорѣ розовцвѣтныхъ принадлежитъ роду *Rubus* (малинникъ): въ число его видовъ (5) входятъ обитатели лѣсовъ и торфяныхъ болотъ; въ Омской степи только 2 вида *Rubus*, ежевика и костяника. Третье мѣсто въ обѣихъ флорахъ занимаетъ р. *Spigaea* (таволга); изъ 3 его видовъ одинъ—кустарникъ. Въ Тюменской флорѣ отсутствуетъ *Rosa canina* L., существующая около Омска, по Гольде, въ 3-хъ разновидностяхъ. Между родами сем. Ranunculaceae въ обѣихъ флорахъ первенствуютъ *Ranunculus* и *Thalictrum* (лютикъ и серебрянка). Къ первому въ Омской флорѣ относятся 11 видовъ, ко второму, по Гольде,—6; въ Тюменской же, гдѣ не найдены *R. Cymbalaria* De. (растение солончаковое), *R. divaricatus* Schrank (растение стоячихъ водъ) и *R. polyrrhizus* Steph. (растение степное), роду *Ranunculus* принадлежатъ 8 видовъ, а роду *Thalictrum*—3 вида. Сем. Scrophulariaceae въ обѣихъ флорахъ представлено 12 родами, причемъ (изъ 10 родовъ общихъ для обѣихъ мѣстностей) первыми по числу видовъ являются роды *Veronica* (вероника) и *Pedicularis* (мытникъ): къ первому въ Омской флорѣ относятся 9 видовъ, въ Тюменской—7; ко второму въ Омской флорѣ—3, въ Тюменской—4 вида¹⁾. Родъ *Verbascum* (коровякъ) имѣетъ въ Тюменскомъ округѣ 3 вида, въ Омской сте-

¹⁾ Въ Омской степи весьма обыкновенна, между прочимъ, *Veronica incana* L. Интересно бы найти сѣверный предѣлъ распространения этого вида.

пи — лишь 1¹⁾). Въ сем. Polygonaceae обильны видами, какъ въ Омской, такъ и въ Тюменской флорѣ, роды Polygonum (гречиха) и Rumex (щавель): къ первому въ Омской флорѣ относятся 10, въ Тюменской — 8 видовъ, ко второму — 8 и 7. Въ числѣ Омскихъ Polygonaceae нужно отмѣтить кустарникъ Tragopogon lanceolatum M. B., какъ растеніе характерное для сухихъ возвышенныхъ участковъ степи, живущее небольшими обществами, надъ обрывами праваго берега р. Оми. Къ сем. Umbelliferae въ Омской флорѣ относятся 18, въ Тюменской 20 родовъ, между которыми нѣтъ выдающихся по числу видовъ. Болѣе половины видовъ этого семейства — растенія общія для обѣихъ сравниваемыхъ флоръ; что касается меньшинства, то въ Тюменскомъ округѣ оно составляется изъ видовъ свойственныхъ лѣсамъ и болотамъ, затѣненнымъ кустарниками, въ Омской же степи въ него входятъ виды частью степные, напр. Seseli Hippomarathrum L., Peucedanum ruthenicum M. B., частью свойственные болѣе лѣсо-степной, чѣмъ лѣсной области, вродѣ напр. Chaerophyllum Prescotti DC. Въ сем. Labiatae, къ которому въ Омской флорѣ относятся 13 родовъ, а въ Тюменской 14, какъ и въ сем. Umbelliferae, богатыхъ видами родовъ не имѣется. Между губоцвѣтными Тюменскаго округа должно отмѣтить 2 вида Lamium (ясотка) и 1 Veronica (буквица): въ Омской флорѣ эти роды не имѣютъ представителей²⁾. Въ сем. Salicineae въ обѣихъ флорахъ очень богаты видами родъ Salix (ива); въ Омской флорѣ въ немъ насчитывается 11 видовъ, въ Тюменской — 9. Изъ родовъ сем. Boraginaceae въ обѣихъ флорахъ богаче другихъ родъ Myosotis (незабудка). Въ Тюменской флорѣ столько же родовъ бурачниковыхъ, сколько и въ Омской, только вмѣсто Onosma, рода обыкновеннаго для степей, въ нее входитъ р. Symphytum (окопникъ), предста-

¹⁾ Verbascum rhoenicum L. Замѣчательно, что у насъ нѣтъ широко-пространеннаго Verbascum Thapsus L. — вида, встрѣчающагося по берегу Туры, между Оренбургомъ и Орскомъ (Борщовъ), на Апртау (Словцовъ — Траутфеттеръ) и на востокъ.

²⁾ Въ Тюменскомъ округѣ не встрѣчено представителей рода Salvia (шалфей); по немного южнѣе, около Ялуторовска, въ 1889 г. мнѣ попался экземпляръ одного изъ видовъ этого рода.

витель котораго Symphytum officinale L. встрѣчается по сыррымъ прибрежнымъ мѣстамъ, между кустарниками; южнѣе, въ Ялуторовскомъ округѣ, послѣдній видъ встрѣчается на берегахъ Тобола. Въ сем. Orchideae первымъ по числу видовъ въ Омской флорѣ является родъ Cypripedium (сапожки), имѣющій 2 вида; въ Тюменской флорѣ первыми являются роды Cypripedium и Epipactis (дремликъ), имѣющіе по 3 вида. По числу особей выдаются: въ Омской степи — Orchis latifolia L., растущій группами на болотахъ и Gymnadenia Conopsea R. Br.; въ Тюменскомъ округѣ — Herminium Monorchis R. Br., встрѣчающійся иногда дов. большими островками, и Cypripedium guttatum Swartz., живущій небольшими островками (и единично) въ тѣнистыхъ мѣстахъ среди кустарниковъ.

10. Въ заключеніе вышеизложеннаго сравнительнаго обзора Тюменской и Омской флоръ, остается сказать нѣсколько словъ касательно семействъ Plantagineae, Plumbagineae, Potameae и Campanulaceae. Омская флора значительно богаче Тюменской видами Plantago (подорожникъ); въ первой насчитывается 6 или 7 видовъ этого рода, во второй найдены только 2 вида: мѣстные условія степи, а именно солончаки¹⁾, открытые дуга²⁾, песчаные берега рѣкъ, острова и болотистыя мѣста³⁾, очевидно, весьма благоприятны для Омскихъ представителей рода Plantago; нѣкоторые виды весьма обильны особями; Plantago media L. образуетъ нѣсколько вариантовъ. Мѣстные-же условія степи обогащаютъ ея представителями семействъ Plumbagineae и Potameae: къ роду Statice въ Омской флорѣ принадлежатъ 3, къ роду Potamogeton — 7 видовъ; въ Тюменской же флорѣ первый родъ представленъ только однимъ, а второй только 4-мя видами. Statice Gmelini и Statice caspia Willd. растутъ на степныхъ солончакахъ большими обществами, покрывая иногда довольно обширные участки; а на сухихъ возвышенныхъ мѣстахъ, напримѣръ по р. Оми, часто бросается въ глаза Statice speciosa L. Родъ Potamogeton (рдестъ) заселяетъ рѣчныя

¹⁾ Plantago maritima L.

²⁾ Pl. maxima Ait.

³⁾ Pl. asiatica L., Pl. sibirica Poir.

заводи и стоячія воды низкихъ поёмныхъ мѣстъ при Иртышѣ и его притокахъ. Уступая Омской степи количествомъ видовъ, относящихся къ только-что названнымъ семействамъ, Тюменскій округъ значительно богаче ея видами *Samraulaceae*. Къ роду *Samraula* (колокольчикъ) въ Омской флорѣ относятся 3 вида, причемъ одинъ, а именно *Samr. Servicaria* L. — растеніе весьма рѣдкое около Омска¹⁾; въ Тюменской же флорѣ этотъ родъ имѣетъ 7 видовъ, свойственныхъ опушкамъ, мелколѣсью и открытымъ лугамъ лѣсной области.

Омскѣ, апрѣль 1892 г.

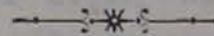
Мих. Сіазовъ.

¹⁾ *Samraula servicaria* L. встрѣченъ былъ около Омска мною въ прошломъ году (вмѣстѣ съ *Frunella*), въ логу праваго берега Оми.

ВЪ СТРАНѢ КЕДРА И СОБОЛЯ

(Очеркъ Тавдинско-Пелымскаго края).

Глубоки въ ней зимою сугробы,
Безпощадны разливы весной,
Недоступны въ ней лѣтомъ трущобы:
Ихъ лѣса охраняють стѣной.

Восемьсотъ лѣтъ прошло съ того времени, какъ отважные сыны „Осподина Новгорода“ завели своё знакомство съ Югоріей. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда же новольники ихъ проникли на своихъ легкихъ ладьяхъ (ушкуняхъ), въ самую глубь Югорскаго края — въ земли Пелымскія. Нѣсколько походовъ, совершенныхъ вслѣдъ за тѣмъ новгородцами въ Обдорію, чрезъ горы, снѣга и лѣсныя трущобы, свидѣтельствуютъ только о необыкновенной настойчивости, съ которой выполняли они свои предпріятія. Но что же, спрашивается, воодушевляло ихъ на такіе отчаянные, сопряженные съ непреодолимыми препятствіями, походы? Разумѣется, не военная слава, которая окрыляла легіоны Римлянъ, не фанатизмъ аравитянь, не дикая отвага кочевниковъ: въ этомъ случаѣ ихъ воодушевляла страсть расширить свои торговыя предпріятія и овладѣть ключемъ къ той странѣ, гдѣ была родина маленькаго, но дорогаго пушнаго звѣрька — соболя. Василій Димитріевичъ (сынъ Донскаго) воевалъ, потомъ Новгородскія вотчины тоже, „не ради закамскаго серебра но и ради дорогихъ мѣховъ“. Весьма вѣроятно, что и Строгоновы, торговые люди „Осподина Новгорода“, тоже ради цѣнной пушпины обосновали свое хозяйство поближе къ Югорской землѣ. Вообще нужно полагать, что соболь игралъ довольно видную историческую роль въ расширеніи русской колонизаціи за Каменнымъ поясомъ, и, быть можетъ, ускорилъ даже самый актъ при-

соединенія Сибири къ Россійской Державѣ. Коренная область его обитанія, разумѣется, не Обдорскія тундры, а лѣсная полоса Пелымско-Кондинскаго края. Историческій звѣрокъ привлекалъ сюда, съ одной стороны, расторопныхъ русскихъ людей, а съ другой— дѣтей глубокой Азіи. Изъ Югорскаго края вывозились не одни только мѣха, но и драгоцѣнные камни. Какъ ни баснословны повѣствованія, которыя передаетъ Герберштейнъ о лукоморцахъ, что они приносили съ собою для продажи жемчугъ и драгоцѣнные камни,— все же разсказы эти на чемъ нибудь да были основаны. Во всякомъ случаѣ, Югорія должна была имѣть торговые пути какъ въ Европу, такъ и въ Азію. Путь Новгородскій, по которому распространялась русская колонизація, указанъ тѣмъ же Герберштейномъ, но какими путями шли сюда торговые люди изъ глубокой Азіи? Они могли проникать или дальнимъ путемъ— черезъ сѣверную Сосву, или короткимъ— черезъ Тавду. Уже впоследствии, а именно въ XVI столѣтіи, когда изъ Вышеры сдѣланъ былъ перевалъ черезъ Уральскій хребетъ на Лозву, торговое значеніе Тавды обозначилось совершенно ясно. Однако, къ концу этого столѣтія, въ 1598 году, русскій піонеръ Бовиновъ нашелъ дорогу въ Сибирь на верховьяхъ Туры, и древній путь былъ покинутъ и совершенно заброшенъ. Только въ послѣднее время, трудами горнаго инженера Подгаецкаго, выяснилось вновь вполне заслуженное значеніе Тавды и несомнѣнныя удобства ея для водяныхъ сообщеній. Экскурсируя въ долину этой рѣки, мы имѣли цѣлью познакомиться съ природой и образомъ жизни людей, здѣсь обитающихъ, а также поискать слѣдовъ древнѣйшаго населенія, свидѣтельствующихъ о торговомъ значеніи ея въ старое время.

На всемъ своемъ протяженіи въ 713 верстъ, рѣка Тавда обладаетъ обширнѣйшими источниками для своего питанія. Источники эти: болота, покрытыя дремучими лѣсами, тундры, ямы, согры, пошворы и безчисленные болотные источники. Незначительный склонъ болотъ въ долину этой рѣки и медленное теченіе обезпечиваютъ питаніе и судоходство ея на долгое время. Цвѣтъ воды въ Тавдѣ темный и мутный, что зависитъ отъ органическихъ при-

мѣсей, которыя доставляютъ ей окружающія болота; неорганическихъ остатковъ (ила, песку, солей) при выпариваніи получается сравнительно мало.

Заливная долина рѣки не широка; русло ея стѣснено съ обѣихъ сторонъ песчаными гривами и холмами, между которыми залегаетъ ярусъ бѣлыхъ суглинковъ позднѣйшаго происхожденія. Въ самыя большія полноводія Тавда не затопляетъ суглиноваго яруса, а потому на немъ расположены наши и прибрежныя селенія. Мѣняя свое русло, она подмываетъ мѣстами песчаные холмы, образуя яры, въ которыхъ ясно обнаруживается горизонтальное напластованіе песковъ. Въ суглинкахъ встрѣчаются палеонтологическія подтвержденія о времени ихъ образованія. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка дѣлаетъ прибой, на другомъ противоположномъ берегу образуются песчанья косы и мели. Самые крупные и высокіе (въ 27 саж.) обвалы глинисто-песчаныхъ холмовъ встрѣчаются около деревни Галкиной, въ 370 верстахъ, и близъ деревни Саитковой въ 432 вер. отъ Пелыма. Здѣсь можно видѣть, что суглинки подчинены наслоеннымъ пескамъ. Въ тѣхъ же обнаженіяхъ, а также близъ деревень: Носовой, Дворниковой, Тагильской и Табаровъ, въ глинистыхъ прослойкахъ попадаются *сучепы*, кости носороговъ, мамонтовъ и сибирскаго быка.

Было-бы большою ошибкой водораздѣлъ между Турой и Тавдой, а также и лѣвый берегъ Тавды считать за болотистую низменность. Напротивъ, песчано-суглиновые холмы здѣсь преобладаютъ надъ низинами. Болота и озера залегаютъ только въ видѣ отдѣльныхъ котловинъ, расчлениая холмы. Приэтомъ, чѣмъ болѣе поднимаемся мы къ верховьямъ этихъ рѣкъ, тѣмъ холмы въ водораздѣлѣ становятся выше, а болота, по числу и величинѣ преобладаютъ надъ озерами.

Долина Тавды, отъ Пелыма до Тобольска, лежитъ между 58°—60° сѣвер. широты, стало быть, далеко отъ страшнаго сосѣда сибирской тундры и полярнаго холода. Здѣсь лѣсная растительность все одолѣла и господствуетъ властно и неограниченно. Деревья поднялись во весь свой ростъ, сумѣли захватить разомъ

огромныя пространства земли, скучились и сгрудились обширными общинами. Каждое дерево встало на защиту сосѣда, и всѣ вмѣстѣ упорно отстаиваютъ занятое мѣсто. Только въ южныхъ предѣлахъ, при устьяхъ Туры и Тавды, тамъ, гдѣ водворилась земледѣльческая культура, высокоствольный лѣсъ, оттѣсненный совокупными усилиями человѣка и природы, замѣщается мало по малу флорой области лѣсостепной формации. Кондовые лѣса смѣняются мендачными, ель и сосна уступаютъ мѣсто березѣ. На двухъ градусахъ широты, въ долинѣ рѣки Тавды древесныя породы чрезвычайно рѣзко смѣняются однѣ другими.

При устьяхъ Туры и Тавды преобладаетъ сосна, такъ названный „мендачъ“. Сучковатые деревья ея имѣютъ толстую бурюю кору, рыхлую бѣловатаго цвѣта древесину и незначительное количество сѣры.

Отъ деревни Посолокъ, вверхъ по Тавдѣ, появляется „сумендикъ“—тоже сосна, дѣлающая переходъ отъ мендача къ кондовому лѣсу. Кора его и заболонь тоньше, чѣмъ у мендачнаго лѣса и только на половину желтовато красная. Стволы сумендика стройны, мало сучковаты и вѣчаются на своихъ вершинахъ широкими кронами.

Отъ деревни Тормоли къ сѣверу начинаетъ преобладать такъ называемая „конда“. Кондовый высокоствольный лѣсъ прямъ, строенъ, почти отъ самого корня покрытъ тонкой красновато-желтой сухой корой, съ такой же заболонью; слои древесины мелки и смолисты; при высыханіи онъ почти не дѣлаетъ долевыхъ трещинъ. Особенно хорошо сохранились кондовые лѣса между деревней Тормоли и Тагильской, близъ Галкиной и по рѣчкѣ Ржавцу близъ Таборовъ. Отсюда же сначала сѣзрѣдка, а потомъ сплошными лѣсами начинаются кедровники. Ель, пихта и лиственница встрѣчаются только въ смѣси съ другими древесными породами.

Что касается до южной границы распространенія кедра, пихты и лиственницы, то предѣлы ихъ на описываемомъ пространствѣ можно отмѣтить слѣдующимъ образомъ: кедръ и пихта пересѣкаютъ Туру около деревни Томиловой, на 50 верстѣ южнѣ Ту-

ринска, а отсюда проходятъ на лѣвый берегъ Туры къ верховьямъ Иски. Въ водораздѣлѣ Туры и Тавды и по р. Искѣ кедръ встрѣчается небольшими группами и въ одиночку. Въ низовьяхъ Тавды до Саитковой кедровника нѣтъ, около Саитковой южная граница кедра, пересѣкая Тавду, распространяется по рѣчкѣ Карабашкѣ на сѣверовостокъ и на востокъ до устья въ Тобола. Лиственница по всей долинѣ Тавды и въ водораздѣлѣ ея съ Турой встрѣчается сѣзрѣдка, спорадически, сплошныхъ лѣсовъ нигдѣ нѣтъ; сплошные ельники, напротивъ, встрѣчаются часто и граница распространенія ихъ на югъ идетъ южнѣ праваго берега Туры, тогда какъ кедръ, пихта и лиственница на правый берегъ Туры ниже деревни Томиловой не переходятъ.

Проѣзжая по сибирскому тракту, путешественникамъ не доводится видѣть дремучихъ сибирскихъ лѣсовъ. Первый пионеръ, русскій крестьянинъ, съ топоромъ въ рукѣ, проложилъ въ глубь покоренной страны дорогу широкую. Увидѣть сибирскій лѣсъ можно только тамъ, гдѣ въ большихъ дорогахъ не было надобности. Къ такимъ непочатымъ угламъ безспорно относится Пельмско-Тавдинскій край. Какъ трудно бываетъ представить, по однимъ описаніямъ, картину горной страны для человѣка, которому не доводилось видѣть, съ господствующей вершины, взволнованную поверхность суши, также трудно представить и картину необъятныхъ дремучихъ лѣсовъ для тѣхъ, кто не видалъ тайги и урмана. Воображеніе какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ отказывается воспроизвести поразительныя и разнообразныя подробности.

Въ нетронутой дѣвственной долинѣ рѣки Тавды, лѣсные пейзажи поражаютъ своимъ величіемъ. Мѣстами необъятныя пространства заняла колоннада желтовато-красныхъ гладкихъ сосновыхъ стволовъ, поднимающихся на 20 и 25 саж. въ вышину и поддерживающихъ, высоко надъ головой, зеленый шатеръ, образуемый широкими кронами изъ сплошной хвои. Великаны-деревья не тѣсняются другъ къ другу, а кажутся какъ бы разсаженными правильной россыпью. Другимъ древеснымъ породамъ такой лѣсъ не оказываетъ гостеприимства. Нетолстый слой твердыхъ, трудно гнѣющихся иголь,

павшихъ на сухую песчаную почву, даетъ скудную пищу только для гнафалій, силенокъ, мелкихъ гвоздичекъ и оленьяго моха. Особенно красивъ такой лѣсъ при закатѣ солнца, когда косвенныя лучи длинными свѣтлыми полосами освѣщаютъ его мшистую почву, и сквозь рѣдкую колоннаду деревьевъ просвѣчиваетъ лѣсная даль. Въ кондовникахъ звѣри и птицы не держатся: здѣсь для нихъ мало поживы и мало удобства. Лось заглядываетъ сюда изъ рѣдка, мимоходомъ. Топотъ лося, шелестъ и легкій трескъ отъ сухого валежника только временами нарушаютъ величественную тишину такого лѣса и снова безмолвье. Иногда дятель пролетомъ попробуетъ сухую тонкую кору кондовника; глухимъ эхомъ раздадутся удары этого плотника по лѣсной чащѣ—и опять всё стихло на нѣсколько дней.

Совершенно иной типъ представляютъ лѣса, гдѣ холмы смѣняются суглинками. Тамъ, на огромныхъ пространствахъ, сосна входитъ въ такую тѣсную дружбу со своими родственными—елью, пихтой и кедромъ, что даже самый смѣлый путешественникъ, прежде чѣмъ проникнуть въ эту чащу, призадумается и остановится. «И глушь-же! удилица негдѣ просунуть!» Такъ говорятъ, и совершенно справедливо, про такой лѣсъ наши крестьяне. Колоссальной стѣной поднялись дремучія дебри, точь въ точь, какъ рисуетъ нашъ богатырскій народный эпосъ:

„Лѣса со лѣсами совиваются,

Вѣтви на землѣ разстилаются;

Не пройти Егорью, не проѣхать....

Вы, лѣса, лѣса дремучіе!

Встаньте, лѣса, разшатнитесь!“.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ великаны раздвинулись, всё пространство заняли молодые подростки тѣхъ же хвойныхъ деревьевъ. Прямые, стройные, они растутъ не по днямъ, а по часамъ. Выбрасывая каждый годъ почти аршинные побѣги, рвутся они изъ темной лѣсной глуши, чтобы взглянуть на ясное небо и поскорѣе стать равноправными гражданами среди своихъ взрослыхъ сосѣдей.

Тутъ же островами на нѣсколько верстъ раскинулись березовыя

рощи. Высокіе, стройные прямые стволы деревьевъ вытянулись въ струнку, а гладкая кора ихъ приняла темно-сѣрый отливъ. Вообще своей выправкой и поведеніемъ чернолѣсье вполне подражаетъ здѣсь господамъ хозяевамъ лѣса—хвойнымъ деревьямъ. По опушкамъ такихъ непроходимыхъ урмановъ на припекѣ сѣвернаго солнца, какъ навязчивыя приживалки размѣстились кустарники тощей рябины, калины, крушины и черемухи. Липа въ этомъ обществѣ умалилась, съѣжилась и приняла невзрачный и убогій видъ. Въ густотѣ чащи на влажной почвѣ, рѣдко освѣщаемой солнечными лучами, преобладаютъ орхидеи, грушанки, княжника, борцы (*Asopitum*), дельфиніумы, перловники (*Melica nutans*), воронцы (*Actaea*), волчье лыко и масса мховъ. Тополя по верховьямъ Тавды мы не встрѣчали; онъ растетъ только около села Кошукскаго.

Валежникъ и хворостъ представляютъ отличныя убѣжища для различнаго звѣря, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лѣса подходятъ къ болотамъ, рямамъ и сограмъ. Въ этихъ чашахъ скрывается въ глубокую зиму нашъ лѣсной шутникъ «Михайло-Потапычъ». По рассказамъ чернавскихъ крестьянъ, въ одной берлогѣ лежатъ временами по два, даже по три медвѣдя. Горе охотнику, если онъ, послѣ перваго даже удачнаго выстрѣла, не приготовился встрѣтить медвѣжьей дублетъ. Велѣдъ за залпомъ звѣрь опрометью выскакиваетъ изъ берлоги и тогда опытный звѣроловъ принужденъ или вступить съ нимъ въ рѣшительный бой, или играть въ прятки между деревьями, чтобы успѣть зарядить ружье для втораго выстрѣла.

Въ эту чащу забирается въ морозные дни косматый лось и, зарывшись мордой въ рыхлый снѣгъ, отстаивается тутъ до поры до времени. Сюда же въ жестокія пурги передъ Крещеньемъ уходитъ пушистый соболь. Онъ держится здѣсь десять, пятнадцать дней, а потомъ откочевываетъ для брачной жизни, которая начинается для него въ половинѣ января. Съ этого времени соболь начинаетъ „трепиться“, т. е. бѣгать по-парно по одной и той же тропинкѣ. Ронжа сойка, орѣховка, клестъ—постоянные обитатели этого лѣса. Временами залетаетъ сюда рябокъ, но этотъ лѣсной бродяга не держится по долгу на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Третій лѣсной типъ пелымскихъ урмановъ—кедровники. Изъ другихъ хвойныхъ лѣсовъ они рѣзко выдѣляются своей густой сизо-зеленой хвоей и раскидистыми вѣтвями. Кедровники только издали кажутся непроходимой чащей, между тѣмъ для человѣка среди ихъ много простора. Кажущаяся густота зависитъ отъ раскидистыхъ боковыхъ вѣтвей; самыя деревья стоятъ въ кедровомъ лѣсу разбросанно, не близко одно къ другому. Съиздали видно, что боковыя вѣтви какъ будто начинаются отъ самого корня; кажется, что нѣтъ возможности проникнуть въ ихъ густую чашу. Смѣло входите туда, и вблизи хвойный шатеръ окажется надъ головой на нѣсколько метровъ.

Величественные кондовые лѣса утомляютъ своимъ однообразіемъ. Песчаная почва и сухой воздухъ довершаютъ это утомленіе. Въ густыхъ чащахъ первобытныхъ урмановъ воздухъ, напротивъ, сыръ и душливъ. Кедровники дышатъ всегда ароматной свѣжестью. Какъ глубоко ни заходили мы въ эти лѣса, вездѣ чувствовалось хотя слабое движеніе воздуха. Вѣтеръ, проникая подъ шатры зеленой хвои, даетъ постоянную прохладу, а широкія кроны деревьевъ защищаютъ отъ палящаго солнца. Въ кедровникѣ можно найти пріютъ и отдыхъ подъ тѣнью любого дерева. Мшистый, густой зеленый коверъ подлѣнныхъ травъ въ сущности тотъ же, что и въ смѣшанныхъ лѣсахъ. Можетъ быть, растительныхъ представителей здѣсь меньше, но зато распространеніе ихъ обширнѣе. Нѣкоторые виды грушанокъ, линней, княжники, перловокъ, покрываютъ пространства въ нѣсколько десятковъ сажень. Олений мохъ въ чистыхъ кедровыхъ лѣсахъ попадаетъ съизрѣдка; но зато кладоніи (*Cladonia* sp?) и политриховые мхи составляютъ сплошныя ковры.

„Сибирскій разговоръ“ или кедровые орѣшки составляетъ для обитателей сѣвера предметъ немаловажной торговли¹⁾. Помимо мѣстнаго употребленія, большія партіи ихъ зимой и весной отправляются въ Россію. Черезъ Тюмень ежегодно проходитъ отъ

¹⁾ Какимъ образомъ укоренилось въ народѣ чужестранное названіе кедр, принадлежащее упоминаемому въ Священномъ писаніи ливанскому кедру—вопросъ пока открытый.

60/т. до 190/т. пудовъ; а если прибавить къ этому грузы, проходящіе изъ Туринска, Тары и сѣвернаго Урала прямо въ Ирбитъ и Екатеринбургъ, то общее количество собираемаго орѣха достигаетъ отъ 150/т. до 300/т. пудовъ¹⁾. При цѣнахъ отъ 3¹/₂ до 5 руб. за пудъ, отпускъ кедровыхъ орѣховъ превышаетъ миллионъ рублей. Въ Тавдинскомъ краѣ, урожай кедровыхъ орѣховъ бываетъ иногда до того большой, что даже при малочисленности населенія годичный сборъ, по исчисленію Подгаецкаго, достигаетъ иногда 35000 пудовъ. Въ урожайные годы каждая семья, занимающаяся этимъ промысломъ, собираетъ болѣе 10—15 пудовъ. Большею частью орѣхи съ р. Конды и изъ Пелыма увозятся въ Ирбитъ прямымъ зимнимъ путемъ.

Кедровыя шишки поспѣваютъ почти въ то же время, когда созрѣетъ рожь; поэтому орѣховый промыселъ начинается немного позднѣе Спасова дня (1-го августа), смотря по состоянію погоды. Крестьяне, отправляясь на промыселъ, вооружаются такъ называемыми „кошками“, или желѣзными крючьями, которыя они привязываютъ къ ногамъ, чтобы удобнѣе взбираться на кедровый стволъ. Охотникъ беретъ съ собой кромѣ того тонкій березовый шестикъ сажени въ двѣ длины. Шестикъ имѣетъ на концѣ деревянный крѣпкій крючекъ, которымъ промышленникъ забравшись на дерево, отрываетъ тѣ шишки, которыя отъ простыхъ ударовъ не сваливаются. Орѣхи, собранные въ августѣ и сентябрѣ, остаются въ лѣсахъ до декабря и сохраняются въ такъ называемыхъ „шамляхъ“, или небольшихъ срубкахъ, поставленныхъ на четырехъ высокихъ столбахъ. Присмотрѣвъ съ лѣта урожайные участки, промышленники зорко стерегутъ моментъ дозрѣванія. Лѣсные хозяева кедровниковъ бѣлки, кедровки и ронжи бьются въ теченіе лѣта въ ельникахъ и въ смѣшанномъ лѣсѣ, а въ кедровники начинаютъ завѣдывать только съ половины іюля. Сырую смолистую шишку онѣ портятъ слегка: она еще горька, пока не нальется орѣхъ. Большими стаями налетаютъ сюда эти птицы, предъ осеннимъ перелетомъ. Въ это время крикъ, драка и шумъ оглашаютъ лѣсную

¹⁾ Минимальныя цифры взяты изъ сравненія десяти неурожайныхъ годовъ.

чащу. Осенняя жатва и пирь идутъ въ полномъ разгарѣ. Кедровка, ронжа и бѣлка хозяйничаютъ въ самой чащѣ густыхъ кедровыхъ вѣтвей; всё не съѣденное и не порченное падаетъ на землю и достается бурундукамъ и разнымъ полевымъ. Не упустить случая поспѣть къ готовой трапезѣ и нашъ почтенный бродяга „Михайло Потопычъ“. Разумѣется, послѣ такого праздника жатвы промышленникъ возвратится домой съ пустыми руками. Бываютъ и такіе случаи: промышленники, явившись въ участокъ, застаютъ въ лѣсу полную тишину и безмолвіе. Ни одна шишка не тронута. Но какъ только послышится первый ударъ и трескъ сухихъ вѣтвей, со всѣхъ сторонъ слетаются стаи кедровокъ и усаѣхъ промышленника сразу дѣлается на половину сомнительнымъ.

Соболь—истый сибирякъ—также не брезгаетъ кедровыми орѣхами, но они составляютъ для него только предметъ лакомства, какъ и княжника сѣверныхъ урмановъ. Бурундукъ, рябчикъ и молодая тетерева составляютъ главный предметъ его промысла. Теперь онъ преслѣдуетъ ихъ всюду и никому не даетъ пощады.

Человѣкъ, птица и звѣрьки—только промышленники въ кедровыхъ лѣсахъ, но не враги и не паразиты исполинскихъ деревьевъ. Врагъ—это безспорно усачъ—дровосѣкъ (*Monochamus sutor*¹⁾), похожій на видъ, встрѣчающійся на ели и соснѣ, но значительно меньше его. Нѣкоторыя деревья еще крѣпкия и повидимому здоровыя можно свалить двумя-тремя ударами топора. Личинки це-рамбикса, прокладывая внутри древесины безчисленные ходы, мѣстами сдѣлали её такъ же ноздреватой, какъ грецкая губка.

Четвертый лѣсной типъ Пелымской тайги: гари и дубравы. Какъ бы давно ни горѣлъ лѣсъ, слѣды пожара остаются надолго. Почернѣвшіе стволы деревьевъ и подсохшія нижнія поросли долго не изглаживаются, а перегорѣвшая почвенная хвоя производитъ серію новыхъ подлѣсныхъ растений; рядомъ съ деревьями полными жизни стоятъ отжившія, съ переломанными сучьями, безъ вершины, съ отпавшей корой, и ожидаютъ смерти съ первымъ прилетомъ урагана. Тамъ вытянулась стройнымъ рядомъ, поднявъ свои кудрявыя

¹⁾ Опредѣленіе сдѣл. проф. К. Линдеманъ.

вершины, сосновая мелкота. А тутъ-же рядомъ стоитъ великанъ, расщепленный «молоньей», иногда также съ черными подпалынами. Тамъ буря вырвала съ корнемъ и повалила почти совсѣмъ здоровое дерево. Подкошенное ураганомъ, оно образовало глубокую яму съ задранными съ трехъ сторонъ моховыми коврами. Широкія бороды вывороченнаго изъ почвы корня закрываютъ входъ въ эти нещеры. Поблизости лежитъ вросшій въ землю и покрытый густымъ слоемъ сыраго зеленого моха, истлѣвшій пенъ. Онъ сохранилъ одинъ только остовъ своей коры и готовъ розсыпаться при первомъ ударѣ. Солнечные лучи, проникнувъ къ почвѣ, вызвали къ жизни тѣ типы травъ, которые прежде находили пріютъ только по лѣснымъ опушкамъ. На открытыхъ подсолнечныхъ прогалинахъ высоко поднялись кипрей¹⁾, лѣсная герань²⁾, коровникъ³⁾, подмаренники⁴⁾, козельцы⁵⁾, тысячелистникъ⁶⁾, чистецъ⁷⁾, поповникъ⁸⁾, лобазникъ⁹⁾, полевая ромашка¹⁰⁾, девясилъ¹¹⁾ и цѣлыя поросли ярко-зеленой брусники. Гарь и дубрава—самыя привольныя мѣста для различнаго звѣрья и птичьяго міра. На широкихъ полянахъ, между гнилыми колодами, тетерева съ ранней весны начинаютъ свои любовныя походы; слетки молодыхъ рябковъ, проведеншіе зиму въ глухихъ трущобахъ, къ апрѣлю мѣсяцу также вылетаютъ къ опушкамъ дубравъ, близъ полянъ и небольшихъ ручейковъ. Къ половинѣ августа, когда созрѣетъ брусника, опять цѣлыя стаи ихъ посятся взадъ и впередъ между гарями и перелѣсками.

Дятель—постоянный „завсегдатай“ дубравъ и гарей. Плотничье ремесло даетъ ему насущный хлѣбъ въ этихъ лѣсахъ въ теченіе круглаго года. Здѣсь онъ водворился осѣдло, построивъ себѣ жилище, и обзавелся семействомъ. Когда бываетъ сильный трескучій морозъ и въ дождливую осень дятловы дупла служатъ убѣжищемъ нашей летягѣ—тоже постоянной обывательницѣ дубравъ. Въ ясные теплые зимніе дни выходитъ она изъ своей норки полакомиться свѣжими почками. Поднявъ высоко надъ головой

¹⁾ *Epilobium angustifolium*. ²⁾ *Geranium silvaticum*. ³⁾ *Archangelica officinalis*. ⁴⁾ *Galium boreale*. ⁵⁾ *Scorzonera officinalis*. ⁶⁾ *Achillea millefolium*. ⁷⁾ *Stachis palustris*. ⁸⁾ *Chrysanthemum leucanthemum*. ⁹⁾ *Spiraea Ulmaria*. ¹⁰⁾ *Matricaria inodora*. ¹¹⁾ *Inula britannica*.

пушистый хвостикъ и поджавъ широкия рукавчики — крылышки, торопливо щиплетъ она молодые побѣги березы; эта обжора въ день можетъ очистить отъ почекъ цѣлое дерево. Наѣвшись, что называется, до отвалу, она отдыхаетъ по цѣлымъ недѣлямъ. Настоящая бѣлка бываетъ въ дубравахъ не часто, забредаетъ въ нихъ какъ бы случайно. Охота за рябчиками и тетереями увлекаетъ туда же куницу, хитрую лису, а иногда и благороднаго соболя. Тамъ же шныряетъ, купаясь въ рыхломъ снѣгу, горноста, загнанный холодомъ и голодомъ изъ отдаленныхъ сѣверовъ тундры. Въ густой чащѣ, въ глубокихъ ямахъ, подъ нависшими корнями опрокинутыхъ деревьевъ, укладывается спать въ зимнюю пору разжирѣвшій медвѣдь. Нигдѣ въ другихъ лѣсахъ ему не найти болѣе уютнаго ложа. Вотъ и всѣ обитатели нашихъ дубравъ. Волкъ и заяцъ шныряютъ всюду, стало быть, также относятся къ числу посѣтителей этого лѣса. Лѣтніе гости — мелкія птички — предпочитаютъ дубравы другимъ лѣсамъ. На самыхъ верхушкахъ сухихъ стволовъ садовая славка (*Sylvia hortensis*) кажется меньше орѣха. И этотъ клочекъ жизни звучной пѣсней даетъ о себѣ знать по цѣлому лѣсу. Пересмѣшка (*Sylvia curruca*), пѣночка, (*Phylloscopus trochilus*), зябликъ (*Fringilla coelebs*), горихвостка (*Ruticilla phoenicurus*), болотная синичка (*Parus borealis*), дубровникъ (*Emberiza aureola*) и полевой воробей (*Parus montanus*) оживляютъ глухія дубравы и придаютъ имъ своеобразную прелесть¹⁾.

Какъ въ смѣшанныхъ лѣсахъ, такъ и между дубравами съизрѣдка встрѣчаются открытыя возвышенности, или такъ называемыя елани. Когда выйдешь на нихъ изъ густой темной чащи, то получается тоже впечатлѣніе, какое чувствуетъ всякій, поднявшись на дневной свѣтъ изъ глубокихъ подваловъ. Глазъ отдыхаетъ на полянахъ, сплошь покрытыхъ, какъ бы засѣянныхъ, звончиками²⁾, кипреемъ³⁾, пѣтушьимъ гребешкомъ⁴⁾, поповникомъ⁵⁾, болотнымъ крестовникомъ⁶⁾ и другими соответствующими данной широтѣ трав-

¹⁾ Здѣсь же найдены: *Pyrrhula coccyzina*, *Fring. montifringilla*, *Anthus arboreus*, *Muscicapa grisola*, *Parus ater*, *pullus*.

²⁾ *Rhinanthus crista galli*. ³⁾ *Epilobium angustifolium*. ⁴⁾ *Melampyrum cristatum*. ⁵⁾ *Leucanthemum sibiricum*. ⁶⁾ *Senecio palustris*.

ками. Характеризовать сырыя низменности лѣсной полосы чрезвычайно трудно. Въ Пелымскомъ краѣ существуютъ для нихъ слѣдующія названія: болото, согра, пошверъ, рянь и тундра.

Болотомъ называютъ тамъ кочковатую сырую низину, покрытую съизрѣдка осоками, серебрянкой, бугульникомъ, андромедой, княжникомъ и мхами, которые однако не составляютъ преобладающаго населенія. На твердой, не колеблющейся почвѣ растутъ кедры, ель, пихта, сосна и другія деревья.

Согра имѣетъ зыбучую почву, однако она настолько плотна, что удерживаетъ человѣка, и нога въ ней не тонетъ. Несмотря на то, что поверхность ея совершенно суха, вода при продолжительномъ давленіи просачивается какъ сквозь грецкую губку. Стоитъ только прилечь на нее на нѣсколько минутъ, и подъ спиной образуется цѣлая лужа. Если снять покрывающій мохъ, то обнаружится темно-коричневый слой перегнившихъ вѣтвей мха. На согрѣ растутъ тѣ же деревья, какъ и по болотамъ, но они тощи, мелки и рѣдки. Мшистый коверъ ея сплетенъ изъ сфагна (*sphagnum*), среди которыхъ едва примѣтны красивыя росляки (*Drosera rotundifolia*). Все это переплетаютъ длинныя пряди клюквы, узкіе синевато-зеленые листочки которой ярко выступаютъ на желтоватомъ фонѣ мшистаго ковра; андромеда, бугульникъ и ерникъ встрѣчаются на сограхъ только мѣстами.

Пошверъ — зыбучее моховое болото, подъ которымъ лежитъ черная перегнойная корка. Нога человѣка легко проваливается, палка проникаетъ въ глубь пошвера на нѣсколько саженъ. Мѣстами видны озеринки, или просто небольшія отверстія съ зелеными сырими кочками. Движеніе по пошверу возможно не иначе какъ только съ длиннымъ шестомъ; иногда берутъ даже два шеста, изъ которыхъ одинъ кладется на кочки въ видѣ мостика, а другимъ поддерживается равновѣсіе. Неосторожно ступившій мимо кочекъ проваливается по поясъ въ зыбучую почву. Сухой сверху мохъ, покрывающій кочки, пронизанный крѣпкими вѣточками клюквы, страшно затрудняетъ движеніе. Нога въ немъ запутывается и тащитъ за собой пучокъ сухихъ легкихъ корней. Въ такіе зыбуны

можетъ завести только охота или неволя, а прогулка по нимъ не можетъ быть пріятной и особенно спѣшной: въ день 8—12 вер- и не болѣе. На пошворахъ нѣтъ крупныхъ деревьевъ: мелкая, аршина въ два сосенка, отличающаяся тонкой красноватой корою; ерникъ березовый (*Betula fruticosa*), ерникъ ползучій (*Betula nana*) клюква, морошка и мѣстами андромеда.

Рямя — это уже совершенно зыбучая низина. Растительный слой ея тонокъ и состоитъ изъ сфагнъ, связанныхъ одними корнями березоваго ерника. Кое-гдѣ появляется пушица (*Eriophorum*). Только ближе къ окраинамъ рямя растительность дѣлается болѣе разнообразною. Здѣсь можно встрѣтить княжнику, осоки (*Carex limosa* и *ampullacea*), морошку, серебрянку и трехлисточникъ (*Mentha trifoliata*). Рямя — это такой зыбунъ, что не держитъ на себѣ даже оленя.

Тундрой Пелымскій охотникъ называетъ пошворъ сильно оплотнѣвшій. Она мѣстами состоитъ изъ бугровъ засохшихъ сфагнъ. Красноватая почва изъ перегнившихъ мховъ называется «куякъ». Нога ступаетъ на эти бугры какъ на пуховую подушку, и они, уступая давленію, сжимаются, а потомъ выпрямляются снова. Небольшой дождь и утренняя сырость сглаживаютъ совершенно человѣческую тропу, хотя бы по ней прошла цѣлая партія. Въ тундрахъ встрѣчаются песчанья гривы, которыя называютъ здѣсь островами. Простираясь на 10 и болѣе верстъ въ окружности, онѣ бывають покрыты сплошными кондовыми лѣсами.

Можно полагать, что всѣ отмѣченные типы мокрыхъ низинъ Пелымскаго края составляютъ лишь различныя, одна въ другую переходящія, степени развитія одного и того же болота; однако, мнѣ не доводилось найти переходовъ одной формы въ другую. Такъ, иногда между пошворомъ рѣзко выдѣляется рямя, иногда болото лежитъ рядомъ съ согрой. При этомъ типическія формы растеній, свойственныя каждой мокрой низинѣ, остаются неизмѣнными, хотя бы она и пріобрѣла различныя степени оплотнѣнія. При этомъ вѣками накопившійся перегной отъ той или другой группы растеній обуславливаетъ и различный характеръ поч-

веннаго слоя этихъ болотъ. Въ долинѣ Тавды можно встрѣтить всѣ перечисленные типы мокрыхъ низинъ, и онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: типичный пошворъ и тундра встрѣчаются на сѣверѣ — по Пелымкѣ и въ верховьяхъ Тавды; потомъ южнѣ деревни Тагильской ($58^{\circ} 20'$), они почти совершенно исчезаютъ; вскорѣ исчезаетъ рямя, а наконецъ и согра. Характерныя согры, тундры и пошворы встрѣчаются преимущественно по лѣвому берегу Тавды. Въ водораздѣлѣ между Турой и Тавдой, по склону къ первой рѣкѣ, преобладають болота, а по склону ко второй — пошворы и рямя.

Чтобы закончить ботаническій очеркъ Тавдинскаго края намъ остается перечислить только произрастающіе здѣсь кустарники. Въ верховьяхъ Тавды рябина и черемуха сравнительно мелки, по среднему теченію онѣ достигаютъ крупныхъ размѣровъ. Въ небольшомъ садикѣ священника села Кошуконъ мы видѣли черемушникъ не менѣе 6 дюймовъ въ диаметрѣ. Вообще кустарники Тавдинскаго края тѣ же, что и въ средней лѣсной полосѣ Западной Сибири: можжевельникъ, черника, голубица, березовый ерникъ, смородина, калина, крушина, жимолость, боярка, таволга, шиновникъ — встрѣчаются всюду. Виды ивъ чаще всего встрѣчались слѣдующіе: приземистая (*Salix depressa*), бредина (*S. carex*), пепельная (*S. cinerea*), крупнолистая (*S. stipularis*), лозникъ (*S. viminalis*), миндаляная (*S. amygdalina*) черноталь (*S. pentandra*) и ива ползучая (*S. repens*). Особенно густыя заросли лозника мы встрѣтили по берегамъ Тавды, между деревнями Городкомъ и Чулиной.

Изъ другихъ кустарниковъ, по отношенію къ географическому ихъ распространенію, обращаютъ на себя вниманіе березка хмѣлевидная (*Betula humilis*) и верескъ (*Calluna vulgaris*). Оба эти вида встрѣчаются довольно рѣдко: такъ хмѣлевидную березку мы нашли веретахъ въ пяти стѣ деревни Тормоли ($58^{\circ} 15'$), также по рѣчкамъ Пайвѣ и Ашмаркѣ.

Верескъ, по своему спорадическому распространенію въ Зап. Сибири, представляетъ нѣкоторый интересъ. Область распространенія вереска, широко раскидывающаяся въ западной Европѣ, сѣ-

верных частяхъ Африки и въ Европейской Россіи, постепенно съживается по направленію къ востоку и наконецъ въ губерніяхъ прилежащихъ Уралу совершенно исчезаетъ. Это могло-бы привести къ выводу, что родину этого кустарника нужно искать въ Европѣ, если бы онъ не былъ найденъ въ сѣверной Америкѣ. Удивительно, какимъ образомъ ботаники прошлаго и нынѣшняго столѣтій просмотрѣли его въ Азіи. Я нашелъ его въ Тюменскомъ уѣздѣ, около деревень: Переваловой, Червишевой, по лѣвому берегу рѣчки Пышмы и по дорогѣ въ Успенскій заводъ. Нынѣ оказалось, что верескъ растетъ по среднему теченію Тавды, недостающая трехъ верстѣ до деревни Тагильской (58° 10' с. ш. 35° 60' д.). Охотники Тавдинскаго края, которымъ я показывалъ найденные мною экземпляры, указываютъ на большія заросли вереска близъ рѣчки Азанки, впадающей въ Тавду съ правой стороны, и близъ селенія Кошукскаго.

Фауна Тавдинско-Пелымскаго края довольно разнообразна; въ этомъ краѣ водятся соболи, куницы, медвѣди, росомахи, выдры, колонки, ласки, горностаи, бѣлки, летяги, бурундуки, барсуки, рыси, волки, лисицы, лоси и олени. Распространеніе этихъ животныхъ далеко неравномѣрно. Куница, напримѣръ, строго держится водораздѣла Туры и Тавды и только недавно начала проникать на сѣверъ по р. Пелымкѣ. Съ этого времени между пушнымъ товаромъ въ продажѣ, такъ называемымъ, кидассы¹⁾ стали встрѣчаться чаще, чѣмъ прежде. Соболи сторонятся праваго берега Тавды, а въ долину Туры совсѣмъ не заходятъ. Барсукъ держится ближе къ лѣсостепной области и живетъ въ долинахъ по нижнему теченію Туры и Тавды. Въ Пелымскомъ краѣ онъ уже считается рѣдкимъ звѣремъ; еще болѣе рѣдокъ хорекъ, о которомъ охотники не имѣютъ даже представленія. Напротивъ, горностаи и колонокъ въ сѣверныхъ частяхъ встрѣчаются чаще, чѣмъ въ южныхъ. Другіе перечисленные выше звѣри распространены болѣе или менѣе равномерно во всей Тавдинской долинѣ.

Съ того времени, когда соболи стали извѣстны на Европей-

¹⁾ Миддендорфъ. Пут. на сѣв. ч. II.

скихъ рынкахъ, прошло уже болѣе четырехъ сотъ лѣтъ. Такъ, еще въ 1489 году, во время Франкфуртскаго сейма, королю Римскому Максимилиану предлагали соболей и горностаевые мѣха. Вѣроятно Новгородцы торговали ими ранѣе этого, что и побудило Владимира Димитріевича, сына Димитрія Донскаго, завладѣть Новгородскими землями на Двинѣ „не ради закамскаго серебра, но и ради дорогихъ мѣховъ“. Въ XVI столѣтіи въ Англіи соболей мѣха составляли принадлежность роскоши и цѣны на нихъ были страшно высоки. Несомнѣнно, что эти мѣха вывозились изъ Приуральскаго и Пелымскаго края. При Иванѣ Грозномъ Пелымскіе инородцы были обложены ясакомъ по 12 соболей съ лука; слѣдовательно, нужно считать, что убивалось не менѣе сорочка на каждаго охотника¹⁾.

Нужно удивляться поэтому, какимъ образомъ соболи могли сохраниться въ Пелымскомъ краѣ до нашихъ дней, особенно если принять въ соображеніе ту дорогую премію (цѣна шкурки), которая была назначена за уничтоженіе этого звѣрька, по прихоти челоувѣческой роскоши²⁾. Объяснить это можно только малочисленностью населенія и короткимъ срокомъ охоты, который ограниченъ здѣсь раннимъ наступленіемъ зимы съ глубокими снѣгами.

Извѣстно, что векорѣ послѣ завоеванія Сибири Пелымскіе вогулы были обложены ясакомъ въ 68 сорочковъ (2720 соб.), слѣдовательно нужно полагать, что выбивалось здѣсь въ годъ около 5000 соболей; да около половины этого количества (37 сорочковъ) собиралось съ вогуловъ кондинскихъ волостей (Указъ князя Θεодора Ивановича 7104 г.³⁾.

Въ настоящее время, по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ Пелымѣ и Табарахъ, всѣхъ соболей скупаются во всемъ Кондинско-Пелымскомъ краѣ отъ 30 до 50 сорочковъ (средн. 1600). Еще сравнительно недавно, лѣтъ 30 тому назадъ, судя по расчетной

¹⁾ Въ 1594 году Борисъ Годуновъ отправилъ въ Вѣну 40360 соболей. Саваньевъ. „Природа“—стр. 255.

²⁾ По разсказамъ Герверштейна, 1567 г. въ Москвѣ встрѣчались соболей шкуры въ 30 гульденовъ.

³⁾ Исторія Миллера, стр. 244.

книжкѣ 1860 года одного торговца, сохранившейся въ селѣ Табаринскомъ, въ тѣхъ же волостяхъ скупалось около 3000 шкурокъ.

Быстрое вытѣсненіе соболя, по отзывамъ всѣхъ торговцевъ, началось не болѣе 30—40 лѣтъ назадъ и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ звѣрокъ скоро будетъ истребленъ совершенно. По рассказамъ охотниковъ-старожиловъ, лѣтъ 30 назадъ соболь встрѣчался около села Табаринскаго, по верховьямъ Иеки и близъ озера Сарьянскаго. За послѣднія 10 лѣтъ тамъ не убито ни одного экземпляра. Сѣвернѣе Табаровъ инородцы деревень Ферулей и Сотниковой уходятъ за соболями верстъ за сто на сѣверъ къ верховьямъ рѣчки Волчимы и убиваютъ на каждую деревню не болѣе 20-ти штукъ. Крестьяне деревни Томской охотятся на рѣчкѣ Черной и тоже добываютъ не болѣе одного сорочка; столько же убиваютъ и крестьяне деревни Лушниковой. Только одни Пелымскіе звѣроловы (считая деревни лежащія кругомъ Пелымскаго выселка), скапливаютъ въ осень и весну до 60 шкурокъ. Слѣдовательно, соболь доставляется главнымъ образомъ инородцами съ верховьевъ рѣкъ Пелымки и Конды.

Всѣхъ ясачныхъ вогуловъ въ Больше-Кондинскомъ, Верхне-Кондинскомъ, Устькондинскомъ, Верхнепелымскомъ и Вагильскомъ инородческихъ управленіяхъ считается 904 мужчины. Такъ какъ всѣ они болѣе или менѣе звѣроловы-охотники, то, слѣдовательно, на каждаго среднимъ числомъ падаетъ отъ одного до двухъ убитыхъ соболей. Если же даже удвоить это количество, предполагая, что охотниковъ только половина, то и тогда число убиваемыхъ теперь соболей будетъ вѣроятно въ 10 разъ меньше на каждаго охотника, сравнительно съ тѣмъ, что убивали они въ половинѣ XVI столѣтія. Если принять въ соображеніе табаринскую записку, то окажется, что въ шестидесятихъ годахъ настоящаго столѣтія соболей убивалось только въ пять разъ менѣе, чѣмъ въ періодъ покоренія Сибири. Но это сравненіе необходимо смягчить, потому что трудно сказать, сколько изъ соболиныхъ шкуръ, попавшихъ въ ясакъ въ первое время занятія русскими соболиныхъ мѣстъ, взято было изъ запасовъ, которые накоплены были

дикарями съ незапамятныхъ временъ. Ясакъ тогдашняго времени имѣлъ характеръ военной контрибуціи, поэтому соображенія сдѣланныя на основаніи ясачныхъ сборовъ о годичномъ истребленіи звѣря будутъ преувеличены. Въ сибирской исторіи упоминается, что Березовскій воевода Траханютовъ отобралъ у одного только кондинскаго князца въ царскую казну 426 соболей, 30 черныхъ лисицъ, 61 бобръ, 1000 бѣлокъ¹⁾). Какъ же, спрашивается, смотрѣть на этотъ запасъ мѣховъ въ однѣхъ рукахъ, какъ не на накопленный капиталъ, за нѣсколько предъидущихъ лѣтъ, тѣмъ болѣе, что звѣриныя шкурки были въ этой странѣ единственнымъ денежнымъ знакомъ.

Нужно полагать, что истребленіе соболя въ Пелымскомъ и Кондинскомъ краѣ, въ теченіе первыхъ двухъ столѣтій, или даже тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, не шло съ той быстротой, съ какой происходитъ оно въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ. Тогда некому и нечѣмъ было истреблять соболя. Боярскія дѣти, казаки и пашенные люди, посылаемые сюда, едва-ли сами охотились на соболя, потому что трудъ этотъ требуетъ большой опытности. Боярскимъ дѣтямъ легче было производить охоту на вогульскіе паулы (юрты), гдѣ они всегда могли найти готовые запасы шкурокъ. Небольшая горсть инородцевъ своими первобытными ловушками и луками едва ли могла причинить большой ущербъ соболиному населенію, а огненный бой еще не былъ въ употребленіи. Вогулу даже въ настоящее время невыгодно потратить ружейный зарядъ на бѣлку; поэтому онъ часто прибѣгаетъ къ слѣдующей уловкѣ. Запримѣтивъ бѣлку, онъ стучитъ своимъ топоромъ о дерево, на которомъ она сидитъ. Если она не спускается на землю, а перепрыгиваетъ на другое дерево, охотникъ продолжаетъ преслѣдовать ее стукомъ топора до тѣхъ поръ, пока утомленный звѣрекъ не сядетъ крѣпко на дерево. Тогда послѣднее срубается и, при паденіи, его собака схватываетъ добычу²⁾.

Если въ настоящее время вогуль такъ скупъ на свинецъ и по-

¹⁾ Миллеръ. Ист. Сиб. 253.

²⁾ Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. статья Адьквиста.

рохъ, то легко представить, какъ цѣнилъ онъ ихъ сто — двѣсти лѣтъ тому назадъ.

Во многихъ мѣстахъ истребленію соболя помогало расширеніе границъ лѣсостепной полосы, т. е. замѣна хвойныхъ лѣсовъ чернолѣсьемъ. Но здѣсь это условіе не имѣло мѣста. Стоитъ только взглянуть на карту Западной Сибири, и мы увидимъ, что исконная область обитанія соболя — лѣвый берегъ Тавды — ограждена съ юга, отъ лѣсостепной полосы, стѣной непроходимыхъ кондовыхъ лѣсовъ и болотъ, залегающихъ въ водораздѣлѣ Туры и Тавды. Правда, лѣсостепная флора Зап.-Сибири подвигается съ юга на сѣверъ, но только въ предѣлахъ всего праваго берега Туры и Тобола, гдѣ условія для борьбы гораздо легче. Судя по ясачнымъ окладамъ татаръ, между Турой и Тавдой, изъ свѣдѣній полученныхъ изъ указовъ Екатерины II на владѣніе землями, Тюменскіе татары платили ясакъ кунами и бѣлками; слѣдовательно, уже и въ то время въ этомъ водораздѣлѣ соболь не составлялъ предмета звѣриныхъ промысловъ.

Было и еще одно условіе, охранившее соболя отъ поголовнаго истребленія: это — глубокіе снѣга Тавдинскаго и Пельмскаго края. На Уралѣ соболинъ промыселъ начинается по первому снѣгу, какъ только вылиняетъ этотъ звѣрокъ, и продолжается до рождественскихъ и крещенскихъ морозовъ. Въ Пельмскомъ и Кондинскомъ краѣ промыселъ кончается въ срединѣ ноября, такъ какъ снѣга бываютъ такъ глубоки, что охота въ лѣсахъ дѣлается невозможной. Такимъ образомъ, осенній періодъ истребленія соболя гораздо короче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ его обитанія. Наконецъ, гибкій, проворный, необыкновенно хитрый звѣрокъ самъ по себѣ нашель въ этихъ лѣсахъ между пошворами и сограми много исключительныхъ удобствъ, чтобы утекать отъ зоркаго охотника.

Только за послѣднія 50 лѣтъ, когда ружье совершенно замѣнило ловушки, когда увеличилось количество крестьянъ-звѣропромышленниковъ и когда спросъ на мѣха въ Ирбитской ярмаркѣ выросъ до размѣровъ, далеко превышающихъ прежній ясачный сборъ, — начались для соболя тяжелые дни. Облегчить участь

бѣднаго звѣрка можно только правительственными мѣрами, а именно безусловнымъ воспрещеніемъ варварской охоты на него весной по такъ называемому «чарыму»¹⁾, иначе съ развитіемъ пароходства по Тавдѣ и съ увеличеніемъ населенія, не пройдетъ и четверти столѣтія, какъ соболина охота въ Западной Сибири сдѣлается повѣстью о давнспрошедшемъ, или такъ называемой „бывальщиной“. Охота по «чарыму» производится въ началѣ и половинѣ апрѣля, послѣ заморозовъ, вслѣдъ за весенними оттепелями, когда рыхлый снѣгъ покроется слоемъ ледяной коры (чарымъ), которая держитъ охотника на его короткихъ лыжахъ. Звѣроловъ наверстываетъ теперь недочеты своей осенней охоты, остановленной рано выпавшими глубокими снѣгами, не обращая вниманія, по своей жадности къ наживѣ, что онъ въ то же время подрываетъ успѣхъ ея на будущее время. Дѣло въ томъ, что эта охота производится въ то самое время, когда молодые соболята бываютъ слѣпы и беспомощны; такимъ образомъ, охотой по чарыму не только уничтожается взрослое поколѣніе, сколько молодая дѣтвѣ, только — что родившаяся.

Соболь начинаеть „тропиться“, т. е. ухаживать за своей подругой, тотчасъ послѣ крещенскихъ морозовъ. Періодъ увлеченій оканчивается въ пять недѣль (около 17 февраля). Пресыщенные самцы чаще и чаще отстаютъ отъ своихъ подругъ. Истомленные и голодные, они, стараясь наверстать потраченные силы, преслѣдуютъ теперь добычу вездѣ, гдѣ только можно. Супруги, связанные гражданскимъ бракомъ, векорѣ расходятся. Каждый выбираетъ себѣ отдѣльное жилище и живетъ свободно. Самка уходитъ дальше отъ гнѣзда своего сожителя, чтобы онъ не «слопаль» свое собственное поколѣніе. Почти чрезъ девять недѣль, около половины апрѣля, она мечеть (по увѣренію охотниковъ) двухъ слѣпыхъ дѣтенышей, которые остаются беспомощными и не выхо-

¹⁾ Сибиряки выходятъ звѣровать два раза въ годъ: въ первый разъ — приблизительно съ 1 сентября до половины ноября; во второй разъ — съ первыхъ чиселъ апрѣля до разлива водъ, т. е. до половины мая, по такъ называемому чарыму.

дять изъ гнѣзда въ теченіе 5—7 недѣль (около 8 іюня — приблизительно). Соболята, оставивъ гнѣзда, играютъ по цѣлымъ днямъ, какъ молодыя кошки, и потомъ къ концу іюля начинаютъ хищничать въ окрестностяхъ.

Соболь не только предметъ роскоши, но можетъ быть и предметомъ удовольствія. Этотъ страшный хищникъ оказывается совсѣмъ не такимъ дикимъ и мало общительнымъ, какъ можно предполагать. Взятый изъ гнѣзда, онъ скоро приручается, если его держать среди людскаго общества. Въ клѣткѣ и на цѣпи онъ дичаетъ; также дѣлается мало общительнымъ, если держать его въ отдѣльной и темной комнатѣ. Отпущенный на волю, среди людскаго общества, онъ дичится только въ первые дни. Онъ прыгаетъ по столамъ, по окнамъ, заглядываетъ во всякую щель, тербитъ многіе предметы, въ особенности книги и бумаги; но затѣмъ, когда совсѣмъ освоится, дѣлается болѣе спокойнымъ. Въ теченіе всего дня обыкновенно рекогносцируетъ онъ около карнизовъ пола, въ особенности, если слышитъ присутствіе мышей. Этотъ гимнастъ временами продѣлываетъ разъ по 20-ти подрядъ какой нибудь ловкій прыжокъ. Особенно любитъ онъ упражненіе съ деревянными шарами, съ лоскутками мѣха, со свернутой бумагой и тому подобными предметами. Когда я выбрасывалъ моему ручному соболю кожаный мячъ, тотчасъ же начинались безконечныя прыжки снизу вверхъ, но такъ, чтобы при этомъ въ воздухѣ сдѣлать полуоборотъ въ горизонтальной плоскости. Прыжки въ пять четвертей съ мѣста онъ можетъ дѣлать моментально. Ёсть часто, излишекъ пищи или прячетъ въ темный уголъ, или приклеиваетъ гдѣ-нибудь къ стѣнѣ. Въ первое время я держалъ моего звѣрька на балконѣ въ большой проволочной клѣткѣ. Здѣсь излишній запасъ мяса онъ всегда старался подвѣсить въ такое мѣсто, гдѣ есть свободное теченіе свѣжаго воздуха. Спитъ соболь по нѣскольку разъ днемъ и ночью. Въ сумрачную погоду онъ забивается въ темный уголъ и свертывается въ клубокъ, подобно многимъ куницамъ; въ ясную — спитъ на открытомъ воздухѣ, причемъ принимаетъ самое разнообразное положеніе: то на спинѣ,

вытянувъ заднія ноги; то на боку, подложивъ ладонь подъ голову; то свернувшись въ кольцо и спрятавъ голову подъ грудь; то, наконецъ, ложится на брюхо и вытягиваетъ повдоль заднія и переднія ноги.

Когда бываетъ голоденъ, онъ легко откликается на зовъ и охотно идетъ на приманку; когда занятъ ѣдой, дѣлается злымъ, страшно ворчитъ и бросается на всѣхъ, кто тревожитъ его спокойствіе. Ёсть звѣрей, птицъ, ящерицъ и рыбъ. Но однако птицъ предпочитаетъ другой пищѣ; мясо млекопитающихъ ѣсть охотнѣе чѣмъ рыбу. Изъ птицъ — воронъ и гагаръ не ѣсть даже когда сильно голоденъ. Убѣдившись на мѣстѣ обитанія соболя, въ Пельмскихъ лѣсахъ, что гнѣзда свои онъ устраиваетъ преимущественно въ старыхъ пняхъ, я предоставилъ въ его распоряженіе толстую, въ два аршина длины, полусгнившую березовую колоду. Моментально началась работа: пошли въ ходъ когти и зубы. Не прошло четверти часа, какъ сердцевина колоды съ одного конца была совершенно выскреблена и вычищена на столько глубоко, что соболь уже скрывался въ этомъ убѣжищѣ. Вечеромъ началась работа была закончена, нора расчищена и расширена. Восемь гнѣздъ соболя, которыя мнѣ показали пельмскіе охотники, были устроены или въ дуплахъ выгнившихъ деревьевъ, или въ поваленныхъ и изгнившихъ пняхъ, при чемъ всегда были высланы внутри натасканнымъ туда бородачѣмъ лишайникомъ самого высокаго качества. Однако, сопровождавшій меня старый охотникъ говорилъ, что найденныя нами гнѣзда — «холостушки», т. е. такія, гдѣ не было выведено дѣтей. Самецъ-соболь въ одиночествѣ устраиваетъ дупло также комфортабельно, какъ и самка для своего семейства. Привычки выстилать гнѣзда мохомъ звѣрокъ не оставляетъ даже въ неволѣ. Ключья лишайниковъ, которые я подбрасывалъ ему, немедленно втаскивались въ дупло, тутъ же поставленное, и тщательно утаптывались. Когда я пускалъ соболя на разостланный по полу мохъ и слой ваты, онъ моментально скрывался подъ настилку и прокладывалъ тамъ себѣ ходы; пущенный на рыхлый снѣгъ, онъ скрывался на четверть аршина въ

глубь его, и пройдя тамъ больше сажени, выпрыгивалъ наружу. Проводникъ мой по Пелымскимъ лѣсамъ рассказывалъ, что хитрый звѣрокъ употребляетъ этотъ маневръ при ловлѣ токующихъ тетеревовъ, однако другіе охотники не подтвердили этого разсказа.

Палки и высокія жерди, поставленныя въ клѣткѣ и въ комнатѣ, гдѣ жилъ мой ручной соболь, доставляли ему видимо большое удовольствіе. Цѣлыми часами онъ продѣлывалъ на нихъ удивительныя упражненія. Въ этихъ движеніяхъ соединены были уловки медвѣдя, цѣпкость молодой кошки и ни съ чѣмъ несравнимое проворство семейства куницъ. Послѣ гимнастики и безчисленныхъ прыжковъ соболь обыкновенно купался въ водѣ, обмакивая голову и переднія лапы; потомъ тщательно обтиралъ себя, кувыркаясь или во мху, или въ разостланномъ коврѣ.

На волѣ онъ держится исключительно на землѣ въ ельникахъ и кедровникахъ. Только весной, когда наступитъ чарымъ, самка отъ молодыхъ щенятъ не убѣгаетъ и «идетъ по верхамъ», т. е. рѣдко спускается съ деревьевъ на землю.

Другое животное, заслуживающее охраненія отъ варварскаго истребленія его, во время охоты по „чарыму“,—безспорно, лось. Этотъ кормилецъ жителей Пелымскаго края обитаетъ по всему теченію рѣки Тавды, но съ каждымъ годомъ становится рѣже и охота за нимъ труднѣе. Лось больше держится лѣваго берега Тавды, при чемъ въ верхнемъ теченіи ея звѣря больше, чѣмъ въ нижнемъ, гдѣ крестьяне, преимущественно хлѣбопашцы, мало занимаются охотой. Только отъ деревни Посолки вверхъ по рѣкѣ промыселъ этотъ становится подспорьемъ въ крестьянскомъ бюджетѣ.

Начиная отъ деревни Городокъ, по всему верхнему теченію Тавды, лось преслѣдуется всюду и ежегодно теряетъ не менѣе 400 головъ. Такъ какъ животное это предназначено для удовлетворенія первой человѣческой потребности—голода, то, разумѣется, вопросъ о количествѣ ежегоднаго истребленія не имѣетъ особеннаго значенія. Если и можно ходатайствовать за ограниченіе охоты на него, то только въ смыслъ пощады ничѣмъ неповиннаго молодаго поколѣнія. Лось, какъ и соболь, требуетъ пощады

въ весеннее время. Охота по чарыму приходится, какъ разъ въ послѣдній періодъ стельности этого звѣря (въ Тавдинскомъ краѣ лось телится между 10 и 20 числами мая); поэтому тяжелая матка чаще попадаетъ подъ выстрѣлъ охотника, а вмѣстѣ съ ней гибнутъ по одному и по два теленка; слѣдовательно, истребленіе звѣря бесполезно утраивается. Образъ жизни лоса въ Тавдинскомъ краѣ мало имѣетъ такихъ особенностей, которыя бы не были подмѣчены въ другихъ мѣстахъ его широкаго распространенія.

Тавдинскій лось нѣсколько крупнѣе того, что называютъ на Уралѣ сохатымъ, и охотники увѣряютъ, что это—двѣ разновидности. Держится онъ преимущественно въ ельникахъ и гаряхъ. Высокія переднія ноги и короткая шея ясно показываютъ, что травы не составляютъ его главной пищи, а питается онъ молодыми побѣгами деревьевъ и кустарниковъ. Въ іюнѣ и іюлѣ лось, преслѣдуемый оводомъ, преимущественно *Oestrus tarandi*, идетъ къ мелкимъ рѣкамъ и озерамъ, гдѣ забирается въ воду и съ жадностью истребляетъ корневища желтыхъ и бѣлыхъ кувшинокъ, а на сушѣ—разныя виды *Festuca*. Въ періодъ стельности матка уходитъ въ болотистыя лѣса и самыя глухіе урманы, которые у Тавдинскихъ охотниковъ всѣ на перечетѣ.

На сушѣ лось—самое сильное и самое проворное животное, а потому заслуживаетъ неоспоримое право на названіе царя звѣрей въ здѣшнихъ лѣсахъ. Изображенія головы его, высѣченныя изъ камня, иногда находятъ въ древнихъ городищахъ этого края. Нужно полагать, что лось имѣетъ значеніе въ культѣ первобытныхъ обитателей сѣверной Сибири.

Всѣхъ жителей по рѣкѣ Тавдѣ, по исчисленію инженера Подгаецкаго, 16,500 человекъ обоого пола. Населеніе это состоитъ изъ старожиловъ крестьянъ, выселенныхъ изъ Архангельской, Вологодской и Пермской губерній, изъ поселенцевъ и изъ ясачныхъ инородцевъ. Послѣдніе живутъ преимущественно въ среднемъ и въ верхнемъ теченіи Тавды и раздѣляются на осѣдлыхъ и кочевыхъ. По свѣдѣніямъ Туринскаго полицейскаго управленія, инородческое населеніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ. Осѣд-

лые земледельцы, въ количествѣ 2012 ч. обоого пола, разсѣлись въ Кошукской, Табаринской и Жуковской волостяхъ; а кочевые инородцы, числомъ 2139 обоого пола,—въ Припелымской и Гаркинской волостяхъ¹⁾). Тавдинскіе крестьяне по нижнему теченію рѣки—преимущественно земледельцы и кустари, въ среднемъ и въ верхнемъ теченіи—звѣроловы.

Вдали отъ большихъ дорогъ, среди вѣковыхъ лѣсовъ, они сохранили самыя дорогія человѣческія качества—прямоту, честность и смысленность. Суровая природа и охотничья жизнь приучили ихъ къ настойчивому труду и сдѣлали религіозными и рѣшительными. При этомъ нельзя не отмѣтить, что жители низовья Тавды въ Тюменскомъ округѣ далеко уступаютъ въ перечисленныхъ качествахъ звѣроловамъ, живущимъ въ округѣ Туринскомъ.

Въ теченіе всего года у здѣшнихъ крестьянъ земледѣліе чередуется съ звѣроловствомъ; отдыхать послѣ страды имъ некогда. Осенью, когда сняты хлѣба, они лѣсуютъ и звѣрують, отыскивая за сотни верстъ дорогого звѣрка, зимой обращаются къ кустарному и плотничному ремесленничеству; ранней весной опять уходятъ въ урманы и перенося всѣ невзгоды охотничьей жизни, возвращаются домой въ самую распутицу. Вскорѣ, съ наступленіемъ Егорьева дня, они принимаются за соху и борону. Послѣ посѣва занимаются рыболовствомъ и готовятъ подъ паръ свою необходимую пашню, а затѣмъ жнутъ и убираютъ хлѣба.

¹⁾ *Оседлые инородцы:*

1) Въ Кошукской волости (Кошукское инородческое управленіе)	572 м. п., 590 ж.
2) Въ Табаринской волости (Верхне и Нижне-Табаринское инородческое управленіе).	301 м. п., 304 ж.
3) Въ Жуковской волости (Куртумовское инородческое управленіе)	117 м. п., 128 ж.

Кочевые инородцы:

1) Въ Припелымской волости (Больше Кондинское, Верхне-Кондинское, Усть-Кондинское, Верхне-Пелымское и Вагильское инородческое управленіе)	904 м. п., 791 ж.
2) Въ Гаркинской волости (Тахтанское и Сосвинское инородческое управленіе)	205 м. п., 239 ж.

Итого . 1109 м.п., 1030 ж.

Посѣтивъ однажды лѣсные урманы, гдѣ звѣроловы обыкновенно ставятъ слонцы на колонка, я нашелъ страннымъ, какъ, при осмотрѣ ловушекъ, не похищаютъ они другъ у друга добычи, и спросилъ объ этомъ своего проводника-охотника. Онъ поглядѣлъ на меня съ изумленіемъ и, удивляясь моему удивленію, отвѣтилъ: „Что ты, что ты! Не кольми что: я разъ уронилъ Микитинъ слонць, отошелъ верстъ пятнадцать—нѣтъ, мутить, воротился, вѣдь, насторожилъ, какъ прежде было.“ Въ избушки среди отдаленныхъ урмановъ охотники съ осени завозятъ сухари и съѣстные припасы, чтобы весной по чарыму не брать съ собой лишняго груза; не было случая, чтобы кто нибудь воспользовался чужимъ добромъ. Въ страду весьма часто можно встрѣтить большіе поселки, оставленные на попеченіе двухъ, трехъ стариковъ, совершенно неспособныхъ къ работѣ. Всюду сохранилась первобытная патриархальная простота полукочеваго населенія, и это потому, что до самыхъ послѣднихъ дней, въ теченіе полуторныхъ столѣтій, въ этотъ отдаленный уголокъ была приостановлена ссылка преступниковъ. За послѣднее время порочный людъ осквернилъ патриархальную простоту нравовъ этого края.

Раскольниковъ въ Тавдинскомъ краѣ нѣтъ: всѣ крестьяне, не исключая и ясачныхъ осѣдлыхъ инородцевъ, слившихся съ великорусскимъ населеніемъ, отличаются набожностію, и, насколько мнѣ доводилось наблюдать, духовенство пользуется здѣсь заслуженнымъ уваженіемъ. Разъ съ однимъ священникомъ я отправился на экскурсію въ дальній лѣсъ. Верстахъ въ пяти отъ села повстрѣчались съ нами возвращающіеся съ пашни крестьяне. Они подали знакъ, чтобы мы остановились, и ямщикъ придержалъ лошадей. Два крестьянина и три крестьянки спѣшной трусцою подошли къ нашей телѣгѣ и чинно одинъ за другимъ, снявъ шапки, приняли благословеніе священника. Я полагалъ, что у нихъ есть какая-нибудь особенная надобность въ священникѣ, но оказалось, что благословеніе и составляло ихъ неотложную потребность. Поговоривъ минутъ пять, они пошли своей дорогой, а мы поѣхали дальше.

Осѣдлые вогулы, въ особенности тѣ, которые живутъ по берегамъ Тавды, совершенно слились съ великорусскимъ населеніемъ, ихъ нельзя отличить ни по образу жизни, ни по привычкамъ, ни по одеждѣ; сгладились даже типическіе черты финскаго племени. Едва-ли въ Сибири можно найти другой подобный примѣръ поглощенія великорусскимъ населеніемъ населенія инородческаго, и это, можетъ быть, потому, что вогульское племя по физическимъ качествамъ не такъ рѣзко отличается отъ великорусскаго населенія какъ другія инородческія племена Сибири. Вогулы большою частью бываютъ средняго роста; малорослыхъ, сравнительно, мало; высокіе встрѣчаются часто. Лицо круглое, щеки — нѣсколько выдавшіяся, носъ хотя и широкій, но не плоскій; волосы чаще темнорусые, глаза открытые и круглые. Всѣ эти черты у тѣхъ вогуловъ, которые стали въ близкія отношенія съ крестьянами, совершенно сгладились и болѣе подчинились великорусскому типу. Только вдали отъ лѣваго берега Тавды, въ деревняхъ, между осѣдлымъ населеніемъ ясачныхъ вогуловъ, въ особенности между женщинами, сохранились типическія черты финскаго племени. Кроме того, женщины, какъ существа болѣе консервативныя, по отношенію къ завѣщаніямъ старины, сохранили и нѣкоторые признаки племени — въ своихъ костюмахъ, обычаяхъ и суевѣріяхъ. Мужчины одѣваются такъ же, какъ и всѣ сибирскіе крестьяне; небольшое отличіе состоитъ только въ томъ, что поверхъ воротника азяма надѣваютъ платокъ, которымъ въ случаѣ нужды укрываютъ отъ комаровъ шею и горло. Такъ какъ, въ силу благодѣтельнаго закона, въ ясачныхъ деревняхъ содержаніе кабаковъ воспрещено, то поэтому пьянства въ большіе праздники я не видѣлъ. Но зато всѣ жители, даже дѣвушки 12 — 13 лѣтъ и старухи — страшные потребители табаку. Преимущественно курятъ, но не нюхаютъ. Впрочемъ, это явленіе обще для всѣхъ крестьянъ Туринскаго округа. Домохозяйство осѣдлыхъ инородцевъ, какъ мы сказали раньше, ничѣмъ не отличается отъ домохозяйства великорусскихъ крестьянъ. Для примѣра возьмемъ семью Хромцевыхъ въ самой маленькой ясачной деревнѣ Городокъ, на лѣвомъ берегу Тавды.

Дворъ обнесенъ кругомъ крытыми тесомъ службами, въ которыхъ помѣщается погребъ, нѣсколько амбаровъ, клѣтъ и сзади — пригонъ для скота. Пятистѣнный низменный домъ построенъ изъ толстаго кондоваго лѣса. Сквозныя стѣны, какъ обыкновенно въ деревняхъ, раздѣляютъ помѣщеніе на двѣ половины; горницу, избу и рядомъ съ ней лѣтникъ (комната безъ печи). Горница — съ четырьмя створчатыми окнами, росписана внутри, какъ часто бываетъ въ сибирскихъ деревняхъ, клеевой краской; полы устланы пестрядинными половиками; на окнахъ — цвѣты (мята и душица); въ переднемъ углу рядъ иконъ и олеографіи Государя Императора. Самоваръ, стеклянная посуда и даже чайныя ложки — обнаруживаютъ деревенскую зажиточность. За печкой, по стѣнѣ, развѣшаны винтовка, дробовикъ и цѣлая коллекція охотничьихъ снарядовъ.

Семья Хромцевыхъ состоитъ изъ старика отца и двухъ женатыхъ сыновей, которые живутъ нераздѣльно. Въ домашнемъ хозяйствѣ неограниченная власть принадлежитъ старухѣ тещѣ, которая пользуется уваженіемъ всей деревни, какъ добрая, разсудительная и строгая женщина. У ней подъ началомъ находится вся деревенская молодежь. Вступаютъ въ бракъ здѣсь довольно поздно; замужество въ 17 — 19 лѣтъ считается рѣдкостью. Заслуживаетъ вниманія, между прочимъ, что къ ясачнымъ осѣдлымъ инородцамъ привились даже свадебные обычаи нашихъ крестьянъ: сватовство, смотрѣнье, дѣвишники и проч.

Засѣваютъ Хромцевы 8 десятинъ ржи, ячменя, овса и пшеницы. Полевое хозяйство ведутъ по обыкновенному трехпольному сѣвообороту: паръ, озимь и яровое. Пашни находятся близъ самаго селенія, и онѣ, сообразно трехпольному хозяйству, раздѣлены другъ отъ друга огородами. Посѣвы мѣняются такимъ порядкомъ: тамъ, гдѣ нынѣ была озимь, на слѣдующій годъ — яровые хмѣба, а гдѣ яровые хлѣба были въ нынѣшнемъ году, тамъ на слѣдующій годъ будутъ все пары. Скотъ весной пускаютъ на перемяну, гдѣ была рожь; когда посѣютъ яровые, тогда перегоняютъ его туда, гдѣ были яровые хлѣба въ прошломъ году и гдѣ должны быть пары. Здѣсь скотъ ходитъ до тѣхъ поръ, пока не уберутъ

озими текущего года въ гумна, тогда его перегоняютъ на эти поля, а на парахъ сѣютъ новыя озими. На десятину высѣвается: пшеницы — 12 пудовъ, ржи — отъ 10 — 12 пудовъ, ярицы — 10 пудовъ, ячменя — 14 пудовъ, овса — отъ 16 до 20 пудовъ. Снимаютъ съ десятины четыре овина, считая примолотъ и исключая сѣмена на посѣвъ. Нужно полагать, что урожай въ хорошіе года бываетъ для ржи и ячменя самъ 7 — 8, для пшеницы, ярицы и овса — не болѣе 5 — 6. Ленъ родится плохо; огородныя овощи съ успѣхомъ разводятся слѣдующія: рѣдька, свекла, морковь, рѣпа, лукъ, капуста; макъ и огурцы не вполне дозрѣваютъ. На прекрасныхъ тучныхъ лугахъ инородцы разводятъ крупный рогатый скотъ. Тавдинскія лошади отличаются крѣпостью и выносливостію, а скотъ болѣею частію комолый (безрогий) съ хорошими удоями. Таково хозяйство ясачныхъ крестьянъ средне-тавдинскихъ.

По нижнему теченію Тавды въ Тюменскомъ округѣ земледѣліе развито гораздо шире. Тамъ все безъ исключенія хлѣба даютъ хорошіе урожаи. Огородныя овощи вызрѣваютъ вполне; ленъ родится почти постоянно высокаго качества. Нижне-тавдинскій великорусскій крестьянинъ — земледѣлецъ въ полномъ смыслѣ слова; ясачныхъ вогуловъ здѣсь нѣтъ. Небольшое населеніе татаръ совершенно неспособно принять земледѣльческую культуру.

Въ верхнемъ теченіи Тавды крестьяне и осѣдлые инородцы ничѣмъ не уступаютъ, по своему трудолюбію и энергіи, крестьянамъ средней и нижней полосы; но здѣшній крестьянинъ — болѣе звѣроловъ, чѣмъ земледѣлецъ. При этомъ едва ли звѣроловство и не мѣшаетъ ему отдаться вполне земледѣльческому труду. И это, несомнѣнно, продолжится до тѣхъ поръ, пока звѣринный промыселъ будетъ обеспечивать его существованіе. Крестьянинъ и инородецъ оправдываютъ свое нерасположеніе къ земледѣльческому труду неурожаими почвы. Разумѣется, нужно согласиться, что обработка земли изъ подъ лѣса — трудъ не легкій. Но что всего замѣчательнѣе въ этомъ случаѣ, такъ это то, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ звѣринные промыслы падаютъ, земля, прежде неурожайная, по мнѣнію крестьянъ, — дѣлается вдругъ плодородною, и

хлѣбопашество принимаетъ обширныя размѣры. Такой примѣръ мы видѣли на рѣкѣ Искъ подъ 58° с. ш. Крестьяне деревни того же названія, какъ и рѣка, пользуются урожаями самъ 8 — 10 даже въ годы неблагоприятныя; между тѣмъ какъ 20 лѣтъ назадъ земли по этой рѣкѣ относили къ неплодороднымъ тундрамъ.

Звѣринный промыселъ по верхнему теченію Тавды пока еще обеспечиваетъ благосостояніе семьи крестьянина, но слышатся уже постоянныя жалобы, что „товаръ нынѣ куда-то уходитъ“, т. е. звѣрь куда-то скрывается. Промышленникъ-звѣроловъ на лѣснаго звѣря смотритъ какъ на живой товаръ, ему принадлежащій, а поэтому подъ обезпеченіе его забираетъ въ долгъ у торговцевъ въ теченіе лѣта все необходимое для жизни. Эта надежда на осенній промыселъ и отнимаетъ пока у крестьянъ энергію для того, чтобы совершенно перейти къ тяжелому труду земледѣльца.

Такимъ образомъ, осѣдлые ясачные инородцы по всему теченію Тавды ничѣмъ не отличаются отъ великорусскихъ крестьянъ, культуру которыхъ они усвоили; между тѣмъ, по сравненію съ послѣдними, пользуются многими преимуществами, какъ-то: освобожденіемъ отъ воинской повинности, своимъ общиннымъ управленіемъ, значительно меньшими податными обязательствами и неограниченными угодьями въ лѣсахъ, лугахъ и пашняхъ. Ясачные инородцы, положившіе основаніе для многихъ выселковъ, съ издавнихъ поръ считали себя полными хозяевами обширныхъ лѣсныхъ, сѣнокосныхъ и пахотныхъ угодій и, какъ старожилы, укрѣпили за собой самыя лучшія мѣста подъ свои усадьбы. Великорусское населеніе крестьянъ, приселяясь къ вогульскимъ деревнямъ, могло пользоваться только свободными пахотными землями или поднимать ихъ изъ подъ лѣса.

Ясачные инородцы, сохранивъ общинное начало, составляютъ такъ называемыя инородческія управленія; великорусскіе крестьяне въ тѣхъ же деревняхъ управляются своими сельскими обществами. И вотъ здѣсь лежитъ корень безконечныхъ недоразумѣній между крестьянами и ясачными инородцами, преимущественно изъ-за лѣсныхъ и пахотныхъ угодій. Для прибывающаго великорусскаго на-

селенія подворной пахотной земли недостаетъ, такъ какъ большинство участковъ находятся въ вѣдѣніи инородческихъ управленій; а отъѣзжія земли, которыми вновь надѣляются крестьяне, лежатъ далеко и при томъ отдалены отъ деревень непроходимыми лѣсами. Въ 1884 году земли свободныя, за надѣломъ крестьянъ и инородцевъ, были изъяты изъ пользованія жителей какъ принадлежащія казнѣ, и изъ нихъ образованы казенныя лѣсныя дачи и земляныя оброчныя статьи. При такомъ положеніи дѣла, въ настоящее время создались слѣдующія условія крестьянской жизни. Великорусскіе крестьяне, имѣя надѣлъ не болѣе $\frac{1}{6}$ части десятины подворной земли и не болѣе 2-хъ десятинъ на душу отъѣзжей земли, лежащей за лѣсами, должны кортомить или покупать участки, захваченные инородцами и, за недостаткомъ населенія, остающіеся неразработанными. Инородческія управленія сдѣлали, такимъ образомъ, изъ этихъ участковъ свои оброчныя статьи и отдають ихъ крестьянамъ отъ 1 до 3 руб. за десятину. Независимо отъ этого и лѣсныя угодья, по унаслѣдованнымъ обычаемъ, осѣдлые инородцы считаютъ своими, на неопредѣленно обширныхъ пространствахъ, и потому крестьяне звѣроловы, за право охоты въ лѣсныхъ ясачныхъ дачахъ, платятъ по 10 бѣлокъ въ лѣто, за сборъ кедровыхъ орѣховъ по 1 пуду съ человѣка, отправляющагося на промыселъ (дер. Сотникова, Ферулева).

Недоразумѣнія по землянымъ надѣламъ между ясачными инородцами и крестьянами особенно обострились за послѣднее время, съ водвореніемъ въ Тавдинскій и Пелымскій край ссыльныхъ поселенцевъ, которые приписаны къ сельскимъ обществамъ.

Водвореніе тысячи ссыльныхъ поселенцевъ въ 1888 году въ Пелымскій край заслуживаетъ особеннаго вниманія. Не прошло и года, какъ водворенный баталіонъ преступниковъ и мелкихъ мошенниковъ разсѣялся по всей Тобольской губерніи. Оставшіеся 150 человѣкъ ожидаютъ только удобнаго случая, чтобы уйти также на вольные заработки, подъ которыми разумѣютъ они ремесла, грабежъ, шантажъ, воровство и проч. «художества». Что же, спрашивается, остается дѣлать поселенцу, водворенному среди звѣ-

ролововъ и полуосѣдлыхъ крестьянъ, которымъ приходится отвоевывать каждую пядь земли, чтобы бросить въ нее зерно? Правда, поселенцевъ приписываютъ къ сельскимъ обществамъ и даютъ надѣлъ въ отъѣзжихъ угодьяхъ. Но что они могутъ сдѣлать съ этимъ надѣломъ, когда у нихъ нѣтъ, какъ говорится, „ни кола, ни двора?“ Сельскія общества сами стѣснены въ усадьбахъ, а ясачныя инородческія управленія освобождены отъ водворенія къ нимъ поселенцевъ; поэтому бывають случаи, что ссыльному и избу негдѣ построить (кошукское дѣло объ Устинѣ Бухонѣ). Что же, спрашивается, дѣлать и поселенцу, какъ не бѣжать отсюда, чтобы увѣнчать свои прежнія преступленія массой новыхъ разбоевъ?

Побѣги съ мѣста водворенія прикрываются законнымъ образомъ. Поселенецъ обыкновенно беретъ краткосрочный билетъ въ Тобольскую губернію на заработки, шляется съ нимъ бездомнымъ бобылемъ, поддерживая жизнь воровствомъ, до тѣхъ поръ, пока не пойманъ и не возвращенъ этапнымъ порядкомъ, на земскихъ подводахъ, въ мѣсто поселенія. Здѣсь онъ беретъ новый краткосрочный билетъ и снова бѣжитъ отыскивать счастье. Такимъ образомъ, вся его жизнь проходитъ въ постоянныхъ прогулкахъ впередъ пѣшкомъ, а взадъ на земскихъ подводахъ, которыя, къ слову сказать, и безъ того лежатъ на поселеніи тяжелымъ бременемъ.

Въ теченіе всего лѣта путь отъ Таборовъ до Пельми совершается исключительно на лодкахъ, и содержаніе земскихъ станцій обходится въ годъ около 5000 рублей, при чемъ ежедневно отнимается отъ работы на каждой станціи отъ 3 до 5 человѣкъ. Давно пора замѣнить человѣческую силу паровымъ катеромъ, что обойдется въ годъ не больше 1000 рублей. Это было-бы большимъ облегченіемъ для населенія и дало бы возможность для скорыхъ сообщеній.

Съ кочевымъ племенемъ вогуль, въ теченіе мѣсячнаго пребыванія въ Тавдинскомъ краѣ, мы не имѣли времени близко ознакомиться, ибо видѣли кочевое населеніе въ мѣстахъ ихъ обитанія только два раза, поэтому должны только руководствоваться одними разспросными свѣдѣніями, насколько они подтверждаютъ

статьи Шотта напечатанныя въ журналѣ Эрдмана. Шоттъ (въ извлеченіи изъ книги Альквиста) говоритъ, что вогульское населеніе годъ отъ году уменьшается, и полагаетъ, что недалеко то время, когда оно совершенно уничтожится (въ смыслѣ вымретъ). Причины такого печальнаго явленія онъ приписываетъ суровому климату, уменьшенію доходовъ съ охоты, эпидемическимъ болѣзнямъ и, наконецъ, притязанію духовенства, которое при вѣнчаніи свадьбъ требуетъ столько денегъ, что многіе молодые люди остаются на всю жизнь неженатыми.

Позволяемъ себѣ высказать, что суровый климатъ и эпидемическія болѣзни присущи странѣ съиспоконъ вѣка; среди этихъ условій создалась вогульская народность. Нѣтъ данныхъ для того, чтобы допустить, что климатъ сѣверной Сибири годъ отъ году дѣлается суровѣе и эпидемическія болѣзни увеличиваются, а потому это обстоятельство едва-ли можно отнести къ причинамъ вырожденія племени. Что же касается до притязаній духовенства, на которыя ссылается Шоттъ, то едва-ли этотъ продуктъ фантазіи заслуживаетъ того, чтобы объ немъ говорить. Вогулы, живущіе за нѣсколько сотъ верстъ отъ селенія, при бѣдности, часто вступаютъ въ браки безъ благословенія церкви. Священникамъ нѣтъ возможности услѣдить за этимъ, а такихъ ревнителей распространенія христіанской миссіи, какимъ былъ въ 1711—15 году великій схимникъ Феодоръ, къ сожалѣнію, не выискивается. Вогулы, какъ ближайшихъ паули, такъ и осѣдлые, насколько намъ приходилось наблюдать, заслуженно чтутъ своихъ пастырей и никакихъ жалобъ на ихъ притязательность не высказываютъ.

Что касается до уменьшенія доходовъ отъ охоты, то въ этомъ обстоятельствѣ можно еще искать причину обѣднѣнія кочевниковъ. Но на обширѣйшихъ пространствахъ, по которымъ разсыпана небольшая горсть кочеваго населенія (1109 мужчинъ), судя по ежедневному истребленію здѣсь соболя и лося, не исчезли еще источники для обезпеченія кочевыхъ вогуловъ. Разумѣется, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „товаръ“ уничтоженъ, вогуль по необходимости дѣлается земледѣльцемъ, и для него создались въ этомъ

краѣ новыя счастливыя условія, при которыхъ онъ можетъ перейти къ земледѣльческой культурѣ постепенно, не оставляя своего звѣринаго промысла. Судя по благосостоянію осѣдлыхъ ясачныхъ вогуль, по нашему взгляду, это племя возрождается къ новой жизни и въ своихъ успѣхахъ въ этомъ отношеніи далеко оставило за собою всѣ другія инородческія племена Западной Сибири.

По исчисленію Альквиста (въ той же статьѣ Шотта), въ 1858 году въ Тобольской губерніи считалось платящихъ ясакъ 900 человекъ; считая на каждаго ясачнаго по 5 душъ, свободныхъ отъ ясака, Альквистъ полагаетъ, что общее число вогуловъ, въ Тобольской губерніи 4500 душъ. Авторъ, однако, не указываетъ, вошли-ли въ этотъ расчетъ всѣ ясачные инородцы или одни только кочевники, а потому и невозможно сдѣлать сравненія, насколько уменьшилось населеніе въ послѣднія 30 лѣтъ. Однако, какъ ранѣе было сказано, по свѣдѣніямъ Туринскаго полицейскаго управленія, въ настоящее время считается кочевыхъ инородцевъ, платящихъ ясакъ въ Туринскомъ округѣ 1109 душъ, да осѣдлыхъ 990; слѣдовательно, приравнивая это исчисленіе къ выводамъ Альквиста, оказывается, что населеніе вогуль возрасло почти вдвое. Очевидно, здѣсь цифра народонаселенія, взятая Альквистомъ, уменьшена; а можетъ быть онъ не принималъ въ расчетъ осѣдлое населеніе вогуль, которое по численности почти равняется кочевому.

Что вогульское племя вымираетъ и уменьшается, намъ могутъ доказать историческими обстоятельствами. Такъ, напримѣръ: въ описаніи первыхъ походовъ на вогуль, въ царствованіе Ивана Васильевича (1499—1501), въ разрядныхъ книгахъ упоминается, что воевода Петръ Ушатый, по взятіи вогульского городка Ляпина, ѣздилъ по окольнымъ мѣстамъ на оленяхъ, а войско его на собакахъ, и полонилъ 1090 человекъ лучшихъ людей, 50 князей, да 33 города поймали¹⁾. Что же это за города, какъ не тѣ же разбросанныя по лѣсамъ вогульскія паули, и какимъ обра-

¹⁾ Миллеръ, стр. 63 ч. I.

зомъ небольшое войско, двигающееся безпримѣрнымъ въ военной исторіи способомъ, на собакахъ, могло заполнить цѣлую тысячу лучшихъ людей? Нѣтъ ли здѣсь преувеличенія обстоятельствъ, такъ же какъ и въ описаніи Югорскаго камня „ино въ облакахъ не видѣти, а коли вѣтрено ино облака раздираетъ“, чрезъ который переходилъ съ Московскимъ войскомъ воевода Ушатый.

Древняя религія вогуль, по мнѣнію Альквиста, есть вѣрованіе въ заклинанія, которымъ удовлетворяются духовныя нужды большей части народовъ сѣверной Азіи. Обращеніе ихъ изъ язычества началось въ половинѣ прошлаго столѣтія, при чемъ „заботились болѣе о насильственномъ разрушеніи кумировъ, чѣмъ о проповѣданіи вѣры“, прибавляетъ Альквистъ.

Очевидно, такое глубоко несправедливое соображеніе авторъ допустилъ по невѣдѣнію жизни и дѣятельности великаго схимника Феодора, и если оно не было своевременно опровергнуто со стороны православнаго духовенства несомнѣнными доказательствами, то только потому, что сочиненіе Альквиста издано на мало извѣстномъ финскомъ языкѣ.

Южныхъ вогуль скорѣе можно назвать осѣдлымъ охотничьимъ народомъ, чѣмъ кочевниками, къ которымъ относятся инородцы дальняго сѣвера, уже потому, что они весьма рѣдко строятъ лѣтнія юрты, а живутъ зиму и лѣто въ бревенчатыхъ избахъ. На это прикрѣпленіе къ землѣ нужно смотрѣть какъ на самый первый шагъ къ переходу къ земледѣльческой культурѣ. И шагъ этотъ самый трудный. Рѣдко человѣческія жилища представляютъ такой печальный видъ, какъ эти деревушки и рѣдко можно встрѣтить такую грязь и рублище, въ какихъ ходятъ ихъ обитатели. Въ пищѣ вогулы вообще неразборчивы, ѣдятъ сырую рыбу и мясо съ сильными признаками разложенія. Похлебка (лама) готовится въ общемъ котлѣ, изъ котораго члены семьи получаютъ порціи руками и ложками. Лѣтомъ, когда уловъ рыбы бываетъ изобильный, члены семьи пользуются полнымъ довольствомъ. За общей трапезой, каждый членъ семьи, взявши кусокъ рыбы, пережевываетъ его вмѣстѣ съ костями и оставшуюся во рту высосанную жвачку бросаетъ

обратно въ котелокъ. По окончаніи обѣда обѣдки изъ котелка не бросаются, а сваливаются сзади чувала. Зимой, когда истощатся запасы сушеной рыбы, эти обѣдки толкутся и снова поступаютъ въ котелокъ для приготовленія похлебки. Хлѣбъ и соль для такихъ бѣдняковъ считаются лакомствомъ. Вогуль можетъ долго выносить голодь, но зато если ему представляется потомъ случай пользоваться ламой, то онъ сразу можетъ съѣсть нѣсколько тетеревовъ и весь котелокъ похлебки, заѣдая еѣ, вмѣсто хлѣба, сушеной рыбой. Къ членамъ вогульской семьи нужно отнести и охотничью собаку, о которой хозяинъ едва-ли не болѣе заботится, чѣмъ о своихъ дѣтяхъ. „Никакая старая дама, говоритъ Альквистъ, не печется о своей ручной собачкѣ нѣжнѣе, чѣмъ вогуль о своей охотничьей собакѣ“. Дѣйствительно, удовлетворяя аппетитъ изъ одного корыта съ собакой, вогуль весьма часто отдѣляетъ часть отъ своей порціи, подкладывая еѣ собакѣ, а когда видитъ, что собственный аппетитъ великъ, то отдѣляетъ часть отъ собаки себѣ. На ночь отъ комаровъ онъ загоняетъ еѣ въ берестяной балаганчикъ и окладываетъ куревомъ, днемъ старается осыпать еѣ всевозможными ласками. Что касается жилищъ и домашней утвари вогуль, то мы возвратимся къ этому предмету еще разъ въ дневныхъ запискахъ экскурсіи, замѣтивъ теперь, что Пелымскіе вогулы въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличаются отъ Ляпинскихъ вогуль (называемыхъ неправильно остяками), домашній бытъ которыхъ описанъ многими путешественниками. Въ заключеніе своей статьи Шоттъ говоритъ слѣдующее: „Народъ этотъ кажется намъ жалкимъ, но съ вогульской точки зрѣнія онъ является инымъ. „Вогуль ни чей не господинъ и ни чей не рабъ; онъ работаетъ, когда и гдѣ можетъ, или хочетъ, ѣстъ, что Богъ пошлетъ и, заплативши свой ясакъ, не боится никого“.

Обстоятельства за послѣднія 30 лѣтъ, послѣ того, какъ были напечатаны эти строки, какъ видно, измѣнились. Осѣдлые звѣроловы вогулы съ завистью смотрятъ на своихъ соплеменниковъ, освоившихся съ земледѣльческой культурой и пользующихся удобствами жизни, вѣроятно, въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ

тѣ князья, которые когда-то управляли этимъ народомъ. Благодаря необыкновенно счастливымъ обстоятельствамъ, которые сложились для наибуднѣйшаго перехода звѣролововъ къ осѣдлой жизни, который уже нельзя считать опытомъ, а дѣломъ, нужно весьма небольшое вліяніе мѣстной администраціи, чтобы ускорить этотъ переходъ и двинуть забытый Тавдинскій край къ новой жизни. Усиливающееся съ каждымъ годомъ пароходство по этой рѣкѣ поможетъ осуществленію благихъ намѣреній, а при этихъ условіяхъ Тавдинскій край ожидаетъ хорошая будущность.

Тавда—рѣка многоводная. Подгавецкій совершенно справедливо предвѣщаетъ по ней удобную, дешевую и широкую дорогу для торговли; богатая лѣсомъ, пушными звѣрями и рыбою, она могла бы прокормить обширное населеніе, стоитъ только воскресить по ней угасшую жизнь. Несомнѣнно, было время, когда шли по ней караваны изъ самыхъ пѣдръ Азіи въ торговую Біармію. Негдѣ искать другой древней дороги въ Европу, кромѣ этой рѣки, а поэтому и Тавдинскій край не могъ быть пустыннымъ и одинокимъ. Прошли вѣка, населеніе было разогнано и уничтожено, а многоводная рѣка совершенно забыта. Только безпримѣрные по величинѣ земляныя насыпи и курганы остались безмолвными свидѣтелями, что долина этой рѣки была когда-то населена племенемъ, стоящимъ на весьма высокой степени культурнаго развитія.

Описаніе древнихъ земляныхъ сооружений по Тавдѣ въ свое время составитъ предметъ для отдѣльной специальной работы; а теперь, въ видахъ подтвержденія только что высказанныхъ соображеній, мы ограничимся простымъ перечисленіемъ найденныхъ нами древностей.

По всему теченію Тавды, курганныхъ насыпей весьма немного; большинство сооружений представляютъ городища, или древніе укрѣпленные пункты, расположенные какъ по берегу Тавды, такъ и по впадающимъ въ нее притокамъ. Городища эти имѣютъ различную форму и величину, но всегда расположены на высокихъ холмахъ и обнесены кругомъ валомъ и рвомъ. Площадь внутри вала содержитъ слѣды поселеній въ видѣ небольшихъ ямъ, въ

которыхъ находятъ обыкновенно обломки горшечной посуды, кости различныхъ животныхъ и предметы домашняго и военнаго быта.

1) Начиная съ верховьевъ Тавды, первое городище лежитъ въ 50-ти верстахъ отъ Пельми, при впаденіи рѣчки Воглы (Вагилы) и называется Усть-Вагильскимъ.

2) Въ полуверстѣ отъ села Пельмскаго, вверхъ по рѣкѣ Пельмкѣ, на высокомъ прибрежномъ холмѣ, часть городища обрушилась и образовался поперечный разрѣзъ его. Здѣсь видны сооруженія изъ обожженной глины.

3) Въ 45-ти верстахъ отъ Пельми, внизъ по Тавдѣ, близъ деревни Зуевой, городище раскопано крестьянами на глубинѣ четырехъ аршинъ.

4 и 5) Въ 22-хъ верстахъ отъ Зуевой, близъ деревни Дворниковой, два городища. Оба они лежатъ по рѣкѣ Пашенной, впадающей въ Тавду съ правой стороны.

6) Въ 82-хъ верстахъ отъ Дворниковой, близъ деревни Чернавской, по рѣкѣ Черной два городища; одно въ $\frac{1}{2}$ версты отъ берега Тавды, совершенно вспаханное, и другое въ 2-хъ верстахъ съ признаками валовъ и рва.

7) По рѣкѣ Волчимѣ небольшое городище окружено высокимъ валомъ и рвомъ.

8) Въ 50-ти верстахъ отъ Чернавской, внизъ по Тавдѣ, около деревни Сотниковой городище со рвомъ, окруженнымъ высокимъ холмомъ, имѣетъ въ діаметрѣ 47 сажень.

9) Близъ села Табаринскаго, по рѣкѣ Шипу находится совершенно разрушенное городище; но признаки вала и рва сохранились.

10 и 11) Въ 30-ти верстахъ отъ Табаровъ въ Тавду впадаетъ съ лѣвой стороны рѣчка Иса, а при устьѣ ея ясачная деревня Городокъ. Названіе это деревня получила вѣроятно отъ положенія ея между древними городищами. Многія изъ нихъ уничтожены пашнями, но три сохранились вполне. Одно лежитъ въ двухъ верстахъ отъ деревни при рѣкѣ Куланья, а два другія близъ озера Урай съ южной и съ восточной стороны. Озеро Урай дли-

ною полторы версты, соединяется съ Тавдой посредствомъ старицы и имѣетъ видъ обширной рѣчной бухты.

12) Верстахъ въ 23-хъ, по прямому направленію на востокъ отъ городка, лежитъ озеро Индра. Оно имѣетъ 18 верстъ въ окружности и около шести верстъ длины. Слово Индра¹⁾, если это не простое совпаденіе созвучій, между вогульскими, зырянскими и татарскими названіями кругомъ лежащихъ мѣстностей, представляетъ весьма интересный вопросъ, какимъ образомъ оно могло проникнуть такъ далеко на сѣверъ, и тѣмъ большій интересъ представляетъ самое озеро въ археологическомъ отношеніи, что со дна его временами выбрасываетъ разные предметы древности, какъ-то: мѣдныя чаши, стрѣлы, обломки посуды и проч. предметы. Ближайшій обзоръ окрестностей обнаружилъ здѣсь три обширнѣйшихъ городища; одно съ юго-восточной стороны озера Индра, а другія два — верстахъ въ полуторахъ къ югу. Эти послѣднія лежатъ также съ юго-восточной стороны другихъ небольшихъ озеръ: Тяпка и Нюрма.

13) Тутъ же около городка, по дорогѣ на Индру, на берегу рѣчки Иски, при впаденіи въ нее Тяпки, видны слѣды небольшого городища, съ валомъ и ровомъ.

14) Верстахъ въ 30-ти отъ Городка, внизъ по Тавдѣ, около деревни Галкиной на высокомъ крутомъ береговомъ яру городище съ полукруглымъ валомъ на половину разрушено обвалами.

15) Отъ Галкиной на югъ, по теченію Тавды съ лѣвой стороны, впадаетъ притокъ Карабашка; съ этой рѣчкой посредствомъ истока соединяется большое озеро Чербакуль (Яничковское). Отъ него въ 1¹/₂ верстахъ лежитъ большое городище, въ 20 сажень длины и 15 сажень ширины. Валъ его въ планѣ имѣетъ видъ эллипсиса, въ 2¹/₂ сажени вышины. Это городище интересно въ томъ отношеніи, что расположено не на холмѣ, а на равнинѣ, и сооружено изъ чернозема, очевидно добытаго въ окрестностяхъ.

¹⁾ Индра, одно изъ главныхъ божествъ индійской мифологіи, олицетвореніе видимаго небснаго свода, царства облаковъ, въ особенности орошенія дождемъ почвы. Его изображаютъ въ видѣ молодаго человѣка въ вѣнцѣ, тѣло котораго украшено 1000 глазъ съ 4-мя руками.

16, 17, 18) Близъ села Тавдинскаго, по рѣкѣ Саранкѣ находится три городища; одно самое большое въ деревенскомъ выгонѣ, а другія два въ полуверстѣ.

19) Наконецъ, по рѣкѣ Лобутѣ, впадающей въ Тавду съ лѣвой стороны, видна обширная насыпь разрушеннаго городища.

Кургановъ по Тавдѣ сравнительно мало; они встрѣчаются только по правому берегу между деревнями Васьковой и Андрушиной. Три изъ нихъ ближе къ первой деревнѣ, одинъ близъ второй и два по рѣкѣ Долгой и Уралу ея притоку, впадающихъ въ Тавду съ правой стороны.

Итакъ, оказывается, что на протяженіи Тавды въ 713 верстъ сохранилось 19 укрѣпленныхъ пунктовъ. Какая рѣка въ Сибири представляетъ столько историческихъ памятниковъ, уцѣлѣвшихъ отъ варварскихъ набѣговъ и всеразрушающаго времени? Не свидѣтельствуютъ-ли они о кипучей дѣятельности стародавняго населенія Тавдинскаго края и извѣстной степени его цивилизаціи?

И. Словцовъ.

16, 17, 18) Кавказъ, Гора Эльбъ, по рѣкѣ Суръ, по
длинѣ три версты; одна сторона болѣе на западъ, другая
на востокъ, въ длину двѣ версты.

19) Иранскій, по рѣкѣ Тигръ, въ длину двѣ версты,
въ ширину одну версту; одна сторона болѣе на западъ,
другая на востокъ; одна сторона болѣе на югъ, другая
на северъ; между вершинами Иранской и Армянской
Туркии нѣтъ границъ, одна сторона болѣе на востокъ,
другая на западъ, Иранъ и Турція въ длину двѣ версты,
въ ширину одну версту.

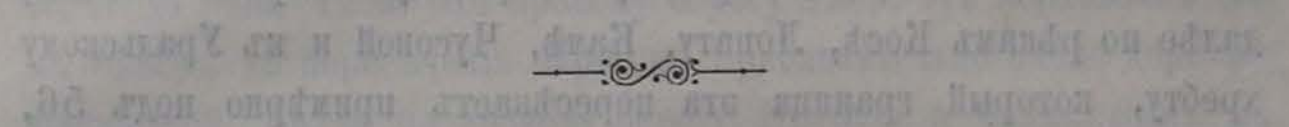
20) Иранскій, по рѣкѣ Тигръ, въ длину двѣ версты,
въ ширину одну версту; одна сторона болѣе на западъ,
другая на востокъ; одна сторона болѣе на югъ, другая
на северъ; между вершинами Иранской и Армянской
Туркии нѣтъ границъ, одна сторона болѣе на востокъ,
другая на западъ, Иранъ и Турція въ длину двѣ версты,
въ ширину одну версту.

И. С. Сиверъ

16, 17, 18) Кавказъ, Гора Эльбъ, по рѣкѣ Суръ, по
длинѣ три версты; одна сторона болѣе на западъ, другая
на востокъ, въ длину двѣ версты.

О РАСПРОСТРАНЕНИИ И УРОЖАЯХЪ СИБИРСКАГО КЕДРА. **PINUS CEMBRA.**

Въ Западной Европѣ отдѣльными разчлененными группами кедръ (*Pinus Cembra sib.*) встрѣчается на Карпатахъ, Альпахъ и на Балканахъ. Западная граница распространения кедръ въ Европейской Россіи указана различными авторами чрезвычайно сбивчиво: Данилевскій указываетъ Сѣверную Двину; по показанію Штукенберга и Боде, кедръ появляется по среднему теченію Вычегды; Сони показываетъ, что въ Устьсысольскомъ уѣздѣ кедръ растеть преимущественно къ востоку отъ рѣки Печеры и попадаеть лишь единично по всему уѣзду; по свидѣтельству Мальгина и Пушкарева, кедръ растеть только въ западныхъ предѣлахъ Уральскаго хребта; Латкинъ говоритъ, что въ верховьяхъ Вычегды и по нѣкоторымъ ея притокамъ есть кедровые лѣса; Сухаржевскій свидѣтельствуеть, что въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ кедръ попадаеть лишь изрѣдка, въ Яренскомъ уѣздѣ пропадаеть, а является вновь въ значительномъ количествѣ въ сѣверо-восточной части Устьсысольскаго уѣзда. Далѣе къ востоку наблюденіями Теплоухова и Брылова границы кедръ опредѣлены точнѣе. Первый изъ нихъ ставить западной границей рѣчку Лунью, лѣвый притокъ Камы; затѣмъ онъ полагаетъ, что западная граница идетъ вдоль праваго берега рѣки Косы, далѣе по рѣкѣ Лопану—къ рѣкѣ Инвѣ, до 59° с. ш., гдѣ стоитъ село Купроское. Далѣе, по свидѣтельству Успенскаго, начинается южная граница и идетъ выше Чермознаго завода на Архангело-Пашійскій, а далѣе, склонясь на югъ, она проходитъ между станціями Луповой и Кедровкой; заходитъ нѣсколько южнѣ Билимбаевскаго завода и поворачиваетъ круто на востокъ.

И. С. Сиверъ

Ө. Кеппенъ приходитъ къ заключенію, что область сплошнаго распространенія кедра начинается съ сѣвера подь 65° с. ш., простирается сперва по Малой Кожвѣ, между Уральскимъ и Тиманскимъ хребтами и, опускаясь нѣсколько къ юго-западу, подходитъ къ берегамъ Ижмы; затѣмъ предѣльная линія проходитъ мимо источниковъ Вычегды по верхнему ея притоку Сѣверной Кельтмѣ; далѣе по рѣкамъ Косѣ, Лопату, Камѣ, Чусовой и къ Уральскому хребту, который граница эта пересѣкаетъ примѣрно подь $56, 50^{\circ}$ с. ш. Къ западу отъ указанной линіи замѣчаются, по мнѣнію Ө. Кеппена, лишь островныя распространенія кедра; самымъ западнымъ пунктомъ его нахождения слѣдуетъ считать сѣверную часть Сольвычегодскаго уѣзда, а самымъ южнымъ — возвышенности Уральского хребта на границѣ Пермской и Уфимской губерній¹⁾.

Какъ идетъ южная граница кедра отъ Билимбаевского завода на востокъ по Пермской губерніи, мнѣ не извѣстно. Дальнѣйшее же распространеніе *Pinus Cembra sibirica* въ Тюменскомъ округѣ и вообще въ Тобольской губерніи, по личнымъ моимъ наблюденіямъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Входя въ Туринскій округъ, кедръ пересѣкаетъ Туру приблизительно подь $58^{\circ} 5'$ около слободы Благовѣщенской; засимъ южная граница спускается по лѣвому низкому берегу Туры. Сплошные кедровые лѣса, гдѣ производятся главные промыслы, находятся по рѣкамъ, впадающимъ въ Туру съ лѣвой стороны: Янцаевкѣ, Турузбаевкѣ, Богышевкѣ и Какузовкѣ; правый берегъ Туры въ этихъ мѣстахъ болѣе высокій не имѣетъ кедровника даже въ видѣ отдѣльныхъ острововъ, исключая мѣстности близъ Туринска по рѣкѣ Гарневкѣ, около деревни Неждановой. Далѣе кедръ распредѣляется по лѣвому берегу Туры, удаляясь отъ него сначала верстѣ на 10 до рѣчекъ Тегеня и Салаирки, впадающихъ въ Туру съ лѣвой стороны. Здѣсь южная граница поворачиваетъ на востокъ къ рѣкѣ Бухталъ, а потомъ, отдалившись отъ лѣваго берега Туры на 20 и болѣе верстѣ, распространяется между рядами острововъ въ болотахъ Кошъ-агальской волости, до озера Тупкуль.

¹⁾ Кеппенъ. Географ. распростр. хвойн. дерев., стр. 23.

Отъ Тупкуля круто поворачиваетъ на сѣверо-сѣверо-востокъ, къ озерамъ Колпаны, Еловому и потомъ почти къ устью Тавды. Отсюда поворачиваетъ круто на югъ къ верховьямъ рѣчекъ Нерды и Варварки, впадающихъ въ Тоболь съ правой стороны, и идетъ параллельно берегу Тобола, отклоняясь отъ него верстѣ на 15 и болѣе до рѣки Таба. По правому берегу Таба, отъ верховьевъ его на сѣверъ до пересѣченія Иртыша приблизительно около деревни Бакшеевой. Далѣе по правому берегу Иртыша и впадающимъ въ него Туу, Шишу, Ую и Тарѣ. Далѣе отъ верховья Тары границы переходятъ въ Томскую губернію.

Сплошные кедровые лѣса, въ которыхъ производятся промыслы, по лѣвому берегу Туры извѣстны только въ верхнемъ теченіи до рѣки Тегеня, а затѣмъ въ Кошъ-агальской волости по озерамъ до Тупкуля кедръ встрѣчается отдѣльными особями и островами. Тоже можно сказать и о распространеніи его по правому берегу Тобола. Въ верхнихъ теченіяхъ Туры онъ сопутствуетъ ели и пихтѣ, которыя преобладаютъ надъ сосной; въ Кошъ-агальской волости и по правому берегу Тобола сосна имѣетъ преобладающее распространеніе. По правому берегу Иртыша по Тарѣ, гдѣ распространены кедръ, сосна также преобладаетъ надъ елью, причѣмъ послѣдняя, сравнительно съ сѣверной, низкоросла и сучковата. Главный промыселъ орѣховъ, гдѣ промышленники арендуютъ лѣса по лѣвому берегу Туры—это участки Турузбаевскій, Багышевскій, Неждановскій, а по Тавдѣ въ волости Пельмской,—деревня Васильевская, близъ села Пельмскаго.

Для проведенія сѣверной границы сибирскаго кедра въ Тобольской губерніи данныхъ весьма мало:

По мнѣнію Гофмана *Pinus Cembra sibirica*, подходитъ къ Уральскому хребту, со стороны Сибири, берегами Лозьвы подь 62° с. ш. и, недоходя нѣсколько верстѣ, исчезаетъ¹⁾. Устья Войкара покрыты пихтой и лиственницей.

Абрамовъ говоритъ, что южнѣе Березова растутъ кедры, лиственницы, сосны и ели; между тѣмъ какъ сѣверная половина округа

¹⁾ Гофманъ. Сѣверный Уралъ. Стр. 9. (Ботанич.).

имѣть почву болотистую съ кустарникомъ ольхи, ивы, мелкаго кедра и лиственницы. Кедровые орѣхи составляютъ немаловажную отрасль производительности южной части Березовскаго округа, а именно Кондинскаго и Сургутскаго отдѣленій. Въ урожайные годы собирается орѣховъ до 10/т. пудовъ на 6500 рублей. Кедровые лѣса рубятъ на дрова, при неимѣнн на эту потребность другихъ древесныхъ породъ¹⁾.

Корниловъ²⁾ видѣлъ кедръ въ Кушеватокомъ погостѣ, который лежитъ въ 130 верстахъ отъ Березова на сѣверъ.

Эрдманъ³⁾ показываетъ кедръ у Качегатскихъ юртъ подъ $65^{\circ} 15'$ с. ш.

Словцовъ⁴⁾ говоритъ, что кедръ пропадаетъ у устья Соби $66^{\circ} 25'$ с. ш.

По мнѣнію Палласа, кедръ въ Обдорскѣ хирѣетъ, а немного сѣвернѣе исчезаетъ совершенно.

Хондажевскій⁵⁾ самый крайній сѣверный пунктъ кедръ указываетъ близъ верховьевъ рѣки Анунъ-Долу, впадающей съ правой стороны въ Надымъ. «Берега послѣдняго, говоритъ онъ, возвышенны и покрыты отъ верховья Анунъ-Долу ($65^{\circ} 15'$ с. ш.) преимущественно кедровыми и еловыми лѣсами. Тамъ встрѣчаются громадныя кедръ и лиственницы, имѣющіе болѣе сажени въ окружности и весьма высокіе, такъ что ихъ можно признать мачтовымъ лѣсомъ, сѣвернѣе (Юрюбея) по нижнему теченію Надыма обширныя луговые острова покрыты ивой и березой. Далѣе на югъ, кедровыя рощи съ деревьями въ $\frac{1}{3}$ аршина въ діаметрѣ и болѣе встрѣчаются по рѣкѣ Ходы-Топы, впадающей въ Надымъ, и въ водораздѣлѣ между бассейномъ Надыма и Пура. Далѣе къ югу на открытыхъ возвышеннѣхъ мѣстахъ то спорадически, то сплошными лѣсами кедръ направляется по рѣкѣ Турунъ-югану къ Сургуту. Далѣе на востокъ, по Миддендорфу⁶⁾, сѣверная граница

1) Аврамовъ. Описаніе Березовскаго края. Тоб. Губ. Вѣдом. 1858 г.

2) Корниловъ. (Замѣч. о Сибири 1828 г. стр. 73).

3) Reise I p. 634.

4) Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири.

5) Хондажевскій. Зими. изслѣд. сѣверн. тундръ. „Зап. Зап.-Сиб. отдѣла“ кн. II.

6) Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, стр. 523.

кедра на Енисей оканчивается у Носовскаго зимовья, не доходя немного до 68° с. ш. Сѣвернѣе на Плахинѣ, по мнѣнію Кастрена, кедръ уже совсѣмъ нѣтъ».

Такимъ образомъ область сплошнаго распространенія кедръ, начиная съ 62° около верховья Лозьвы, имѣетъ сѣверныя предѣлы по линіи къ Березову (согласно Аврамову), откуда вѣроятно по рѣкѣ Казыму, правому притоку Оби, переходитъ на сѣверо-востокъ въ тундру Луце-авы къ рѣкѣ Надыму, до Анунъ-Долу и затѣмъ, огибая средня теченія Таза¹⁾, поворачиваетъ на Енисей къ Носовскому зимовью.

О распространеніи кедръ далѣе на востокъ мы имѣемъ пока мало свѣдѣній; южная граница его между Иртышемъ и Обью лежитъ гдѣ то въ водораздѣлѣ рѣкъ Тары и Оми, впадающихъ въ Иртышъ съ одной стороны и въ водораздѣлѣ Оми и Шагарки, впадающей въ Обь съ другой стороны. Далѣе извѣстно, что кедръ встрѣчается въ Томскомъ, Кузнецкомъ округахъ и, кажется, въ Бійскомъ округѣ.

Между главными сплошными насажденіями кедровъ, гдѣ промышленники преимущественно арендуютъ участки для сбора орѣховъ, славятся слѣдующіе: по Турѣ — Янцаевскій, Турузбаевскій, Багышевскій; по Тавдѣ рѣкѣ: крестьяне арендуютъ участки Пельмескіе и также участки на Кондѣ; въ нижнемъ теченіи Туры до сего времени казенныя участки не отдаются въ аренду, а потому крестьяне пользуются орѣхами для своей надобности и только небольшую часть отправляютъ для продажи въ Тюмень. Въ Тобольскомъ округѣ скупаютъ орѣхи по Туртасу въ Сургутскомъ и Кондинскомъ участкахъ; въ Тарскомъ округѣ по правому берегу Иртыша по рѣкамъ Тарѣ, Ую и Шишу. Въ Томской губерніи отличаютъ орѣхъ Нарымскій, Томскій и Бійскій.

Орѣхъ считается лучшимъ Нарымскій и Томскій, онъ нѣсколько крупнѣе Тобольскаго и ровнѣе; притомъ и гнилаго зерна въ немъ меньше, хотя кедровая шишка, напримѣръ, Туринскихъ кедровъ крупнѣе Томскихъ. По разсказамъ Новоселова, который нѣсколько лѣтъ занимается здѣсь кедровымъ промысломъ, крупныя экземпляры

1) По разсказамъ Вардроппера.

шишекъ бываютъ въ длину больше четырехъ вершковъ. Неполная доброкачественность Тобольскихъ орѣховъ зависитъ отъ способа ихъ уборки. Лѣса Тобольской и Томской губерній по характеру своему рѣзко отличаются. Тобольскій кедровникъ лежитъ вблизи или между непроходимыхъ тундръ, между тѣмъ какъ, при болѣе сухомъ воздухѣ, въ Томской губерніи лѣса не отличаются такой густотой и въ заросляхъ ихъ нѣтъ тѣхъ густомшистыхъ сырыхъ ковровъ, какіе встрѣчаются на сѣверѣ. Крестьяне Томской губерніи имѣютъ возможность вывезти и просушить орѣхъ иногда тотчасъ послѣ его сбора; въ Тобольской губерніи (напримѣръ въ Туринскомъ округѣ) орѣхъ, собранный въ августъ мѣсяцъ, остается въ лѣсахъ до декабря, потому что за непроходимыми тундрами въ позднюю даже осень его вывезти оттуда невозможно. Его складываютъ въ такъ называемыя „шамы“ или небольшіе срубы, поставленные на четырехъ высокихъ столбахъ. Здѣсь орѣхъ часто подвергается броженію, подопрѣваетъ, а иногда и уничтожается паразитами (въ особой статьѣ мы разберемъ этихъ паразитовъ). Прессушка орѣха зимой дѣлается спѣшно, потому что гуртовщики въ это время производятъ главную скупку товара для Ирбитской ярмарки.

Неурожаи кедровыхъ орѣховъ зависятъ отъ чрезвычайно различныхъ условий: во время созрѣванія шишекъ, въ половинѣ и концѣ іюля сырая съ туманами погода, какъ говорятъ, гноитъ шишку на деревѣ; она часто раньше времени отпадаетъ отъ стельки, а если и удерживается, то собранный орѣхъ оказывается водянистымъ и легко поддается гніенію въ шамьяхъ. Дожливая съ сильными вѣтрами весна, по рассказамъ промышленниковъ, портитъ „зародъ“ или „озими“ — молодыя шишечки перваго года. Мнѣніе Палласа по этому вопросу совершенно противоположно; онъ говоритъ: „Для удачнаго урожая нужно, чтобы подрядъ два года были сырые: т. е. одинъ годъ, въ который наливаются почки, а другой, когда они цвѣтутъ, а молодыя шишки получаютъ свой первый ростъ“.

Хотя съ моей стороны было-бы слишкомъ смѣло, по незначи-

тельнымъ наблюденіямъ, дѣлать какіе нибудь выводы, но признаю не лишнимъ сдѣлать слѣдующее сообщеніе. Въ 1881, 82 и 83 годахъ осени и весны, въ Туринскомъ округѣ Тобольской губерніи и въ Богословскомъ — на Уралѣ, стояли дождливыя и съ этими годами совпали неурожаи кедроваго орѣха. Въ 1884 году весна была съ средними атмосферными осадками, а осень дождливая, въ 1885 году наоборотъ. Мнѣ пришлось въ это время наблюдать созрѣваніе кедровыхъ орѣховъ во Всеволодоблагодатскихъ дачахъ на Уралѣ и сдѣлать въ концѣ іюля экскурсію на Денежкинъ камень (который въ это время обыкновенно часто закутывается въ облака). Осень стояла прекрасная, сухая, по указанію промышленниковъ нужно было ожидать хорошаго сбора орѣховъ; и дѣйствительно, послѣ пятилѣтнихъ неурожаевъ, какъ увидимъ ниже, 1885 годъ далъ самую обильную жатву. Тѣмъ же лѣтомъ крестьяне предъугадывали, что въ будущемъ году не будетъ уже такого урожая, потому что замѣтили, что кое-гдѣ „зародъ“ началъ падать. Предсказанія оправдались: въ 1886 г. сборъ орѣховъ былъ слабѣе прошлогодняго.

При хорошей сухой осени, шишки, какъ выражаются промышленники, иногда падаютъ на снѣгъ и въ эти годы зерно бываетъ всегда хорошее.

Въ сборѣ орѣховъ съ промышленникомъ-крестьяниномъ конкурируетъ кедровка, ронжа, медвѣдь, бѣлка и нѣкоторые роды полевокъ. Кедровка и ронжа не столько истребляютъ шишки на деревьяхъ, сколько ихъ обиваютъ. Павшая шишка быстро уничтожается грызунами. Въ сырую осень, когда шишки легко сами спадаютъ съ деревьевъ, обыкновенно не болѣе какъ въ одинъ день, онѣ бываютъ совершенно истреблены лѣсными обитателями. На общую трапезу являются и птицы, и звѣри; еѣ достаиваетъ своимъ посѣщеніемъ даже царь нашихъ лѣсовъ — медвѣдь. Заарендованный участокъ промышленники зорко стерегутъ, и горе имъ, если пропустятъ время.

Въ Туринскомъ округѣ и горныхъ лѣсахъ Урала я не видалъ варварскаго истребленія кедровыхъ лѣсовъ посредствомъ порубки для сбора шишекъ. Крестьяне, отправляясь въ участокъ, вооружаютъ-

ся «кошками», или желѣзными крючьями, которые они привязываютъ къ ногамъ, чтобы удобнѣе лазать по гладкимъ кедровымъ стволамъ, къ ихъ кронамъ, увѣнчаннымъ плодами. Запасаются тонкимъ березовымъ, иногда въ двѣ сажени длиною, шестикомъ, которымъ обиваютъ съ дерева шишку, и такъ называемой «крешной» — берестянымъ ранцемъ за плечами, въ который складываютъ необходимыя принадлежности: котелокъ, соль, топоръ и армякъ. Шестикъ имѣетъ на концѣ деревянный крѣпкій крючекъ, которымъ промышленникъ отрываетъ съ вѣточекъ тѣ шишки, которыя при ударѣ вѣтки не опадаютъ съ нея. Въ густыхъ кедровникахъ, забравшись на вершину дерева, промышленникъ посредствомъ шеста обиваетъ не только свой кедръ, но и кругомъ стоящія сосѣдніе.

Съ завистью смотрятъ приписанные къ деревнямъ ссыльные поселенцы на привычную ловкость опытнаго сибирскаго промышленника, съ какою онъ забирается на высокіе стволы деревьевъ, и, чтобы обогатить себя скорымъ сборомъ орѣховъ, уходятъ иногда въ отдаленные участки и производятъ тамъ порубки кедроваго лѣса. Уличенные на мѣстѣ, часто платятся за это тяжкими побоями.

По разсказамъ крестьянъ, во время сбора шишекъ происходитъ любопытное явленіе: бываетъ, что промышленники, явившись въ лѣсной участокъ для сбора орѣховъ, застаютъ въ немъ полную тишину и безмолвіе — не видно ни одной птицы, но какъ только начнется сборъ шишекъ и слышатся слышны удары шестиковъ о кедровыя вѣтки, налетаютъ иногда цѣлыя стаи ронжъ и кедровокъ, какъ бы предупредить промышленниковъ.

Орѣховый промыселъ начинается съ первыхъ чиселъ августа до сентября, смотря по состоянію погоды и степени созрѣванія плодовъ. Главный сборъ производится въ предѣлахъ Сѣвернаго Урала, въ уѣздахъ Туринскомъ, Березовскомъ, Сургутскомъ, Тобольскомъ и Тарскомъ, Тобольской губерніи, въ уѣздахъ Нарымскомъ, Кузнецкомъ и Бійскомъ, Томской губерніи.

Большинство грузовъ съ орѣхами для сбыта (даже почти все) изъ Томской губерніи и изъ Тобольской идутъ въ Европейскую

Россію чрезъ Тюмень. Исключеніе составляютъ только грузы Туринскаго и Тарскаго уѣздовъ. Туринскіе орѣхи идутъ въ зимнее время на Нижне-тагильскій заводъ или чрезъ Ирбитъ въ Екатеринбургъ, а лѣтомъ чрезъ Тюмень. Тарскіе орѣхи идутъ въ Россію двумя путями, почти по ровну: частью чрезъ Тюмень, частью чрезъ Шадринскъ.

При хорошемъ урожаѣ чрезъ Тюмень провозится до 190/т. пудовъ, а если прибавить сюда грузы, проходящія изъ Туринска, Тары и Сѣвернаго Урала, то общее количество собираемаго орѣха достигаетъ до 300/т. пудовъ. При плохомъ урожаѣ въ Тюмень привозится не болѣе 40/т. пудовъ, а весь сборъ Западной Сибири можно оцѣнить въ 60/т. пудовъ.

Въ зависимости отъ этого и цѣны на орѣхи падаютъ въ годы урожайные и повышаются во время недородовъ. Такъ, въ 1885 году цѣна на орѣхъ стояла въ Тюмени отъ 3½ до 5 р., а въ 1886 году (урожай) пала до двухъ рублей; при чемъ въ Томскѣ можно было купить по 1½ рубля пудъ.

Сборъ каждой осени доставляется въ Тюмень и Екатеринбургъ въ слѣдующіе сроки: въ ноябрѣ по зимнему пути изъ Приуралья, Туринскаго, Тобольскаго уѣздовъ. Въ Ирбитъ грузы направляются въ январѣ мѣсяцѣ и наконецъ въ маѣ мѣсяцѣ орѣхи приплавляютъ изъ Томской губерніи.

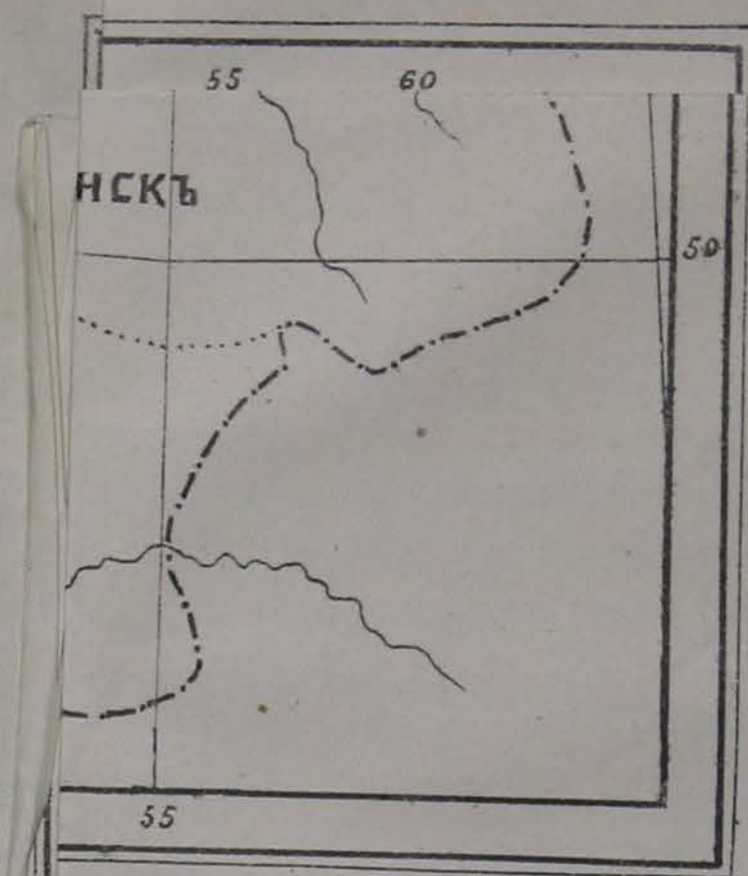
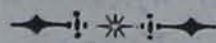
Сравнительные неурожаи орѣховъ сдѣлались чувствительными съ 1883 года: съ этого года они были повсемѣстно. Въ Тюмень въ 1883 году было привезено 98/т. пудовъ и цѣны стояли по 3 руб. за пудъ — урожай однако считался среднимъ. Въ 1884 году и въ особенности въ 1885, недородъ кедровыхъ орѣховъ былъ полный (кромѣ Бійскаго округа). Въ Тюмень доставлено было не болѣе 50/т. пудовъ и цѣна на пудъ стояла отъ 4 руб. до 4 руб. 70 коп. Урожай 1886 года можно назвать замѣчательнымъ: чрезъ Тюмень прошло болѣе 200/т. пудовъ.

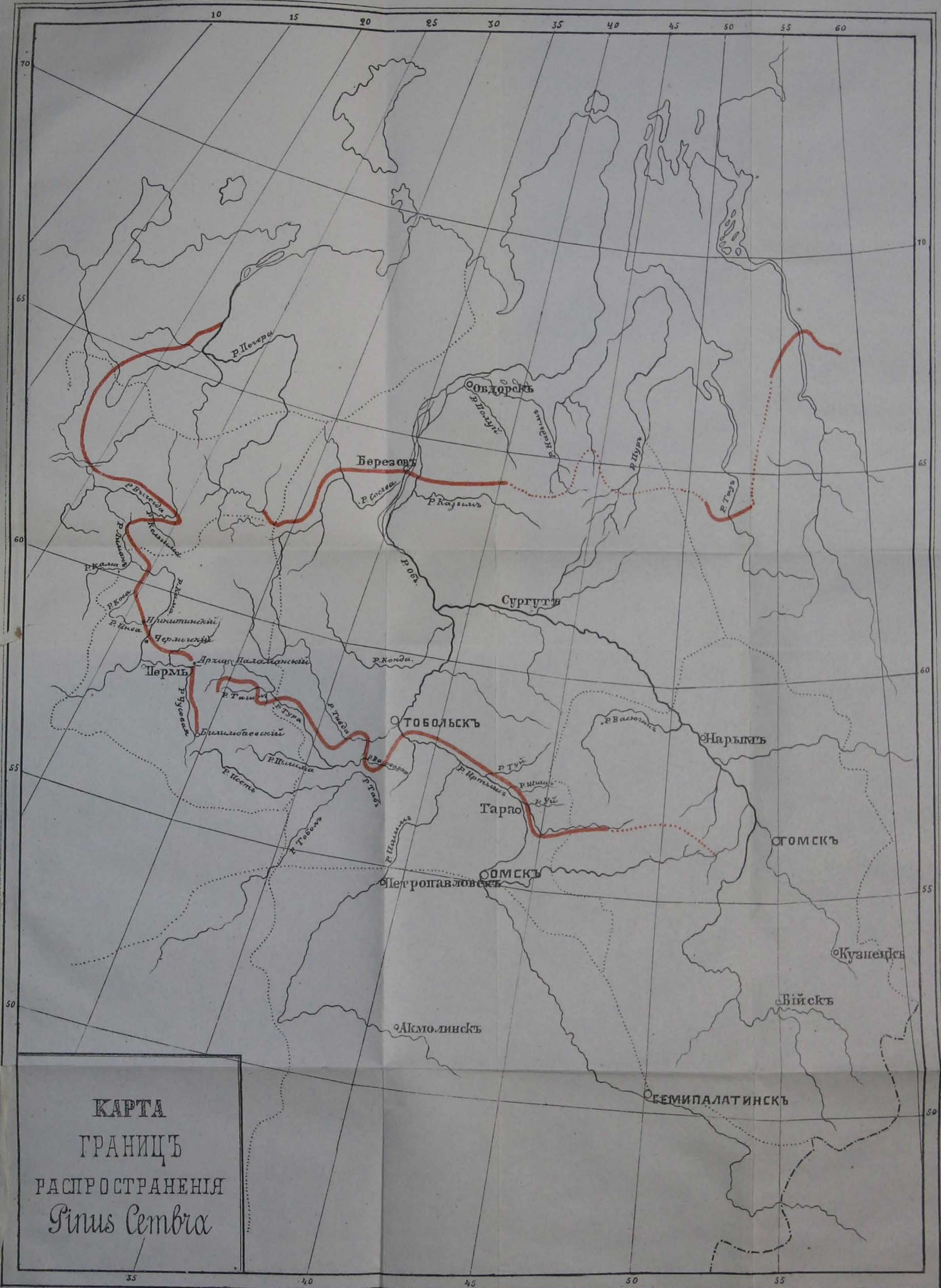
Заканчивая очеркъ распространенія кедровыхъ лѣсовъ въ Тобольской губерніи, обратимъ вниманіе на коренныхъ представителей пернататаго царства въ этихъ лѣсахъ.

Глухіе урманы близь болотъ или ручьевъ, поросшіе еловыми лѣсами, служатъ мѣстопробываніемъ свиристеля-хохлушки (*Bombus garrula* L.) По сухимъ кедровымъ лѣсамъ, въ долинахъ перелетаютъ съ мѣста на мѣсто, иногда опускаясь большими стаями на деревья, и оглашаютъ воздухъ пронзительнымъ крикомъ кедровки (*Nucifraga Caryocatactes* L.). Для ронжи (*Perisoreus infaustus* Bon.) нельзя обозначить характернаго мѣстопробыванія. Она встрѣчается по берегамъ большихъ рѣкъ въ сосновыхъ лѣсахъ, встрѣчается съизрѣдка и въ лѣсахъ лиственныхъ, питается, березовыми сережками.

Такимъ образомъ, недороды кедровыхъ орѣховъ не такъ чувствительны для свиристеля и ронжи, какъ для кедровокъ. Кедровки, въ случаѣ неурожаа въ орѣхахъ, дѣлаютъ иногда чрезвычайно большіе перелеты. Мѣстные неурожаа заставляютъ ихъ перелетать въ предѣлахъ Западно-Сибирской низменности, а повсемѣстные — заставляютъ расширять область своихъ путешествій и на Западную Европу; такъ, по наблюденіямъ предсѣдателя Германскаго Орнитологическаго Общества доктора *Руд. Блазуса*, въ 1885 году, Германию посѣтили необыкновенно большія стаи кедровокъ. Несомнѣнно, на такой перелетъ имѣли вліяніе продолжительныя въ теченіе четырехъ лѣтъ повсемѣстные недороды кедровыхъ орѣховъ въ обширной области распространенія этихъ лѣсовъ.

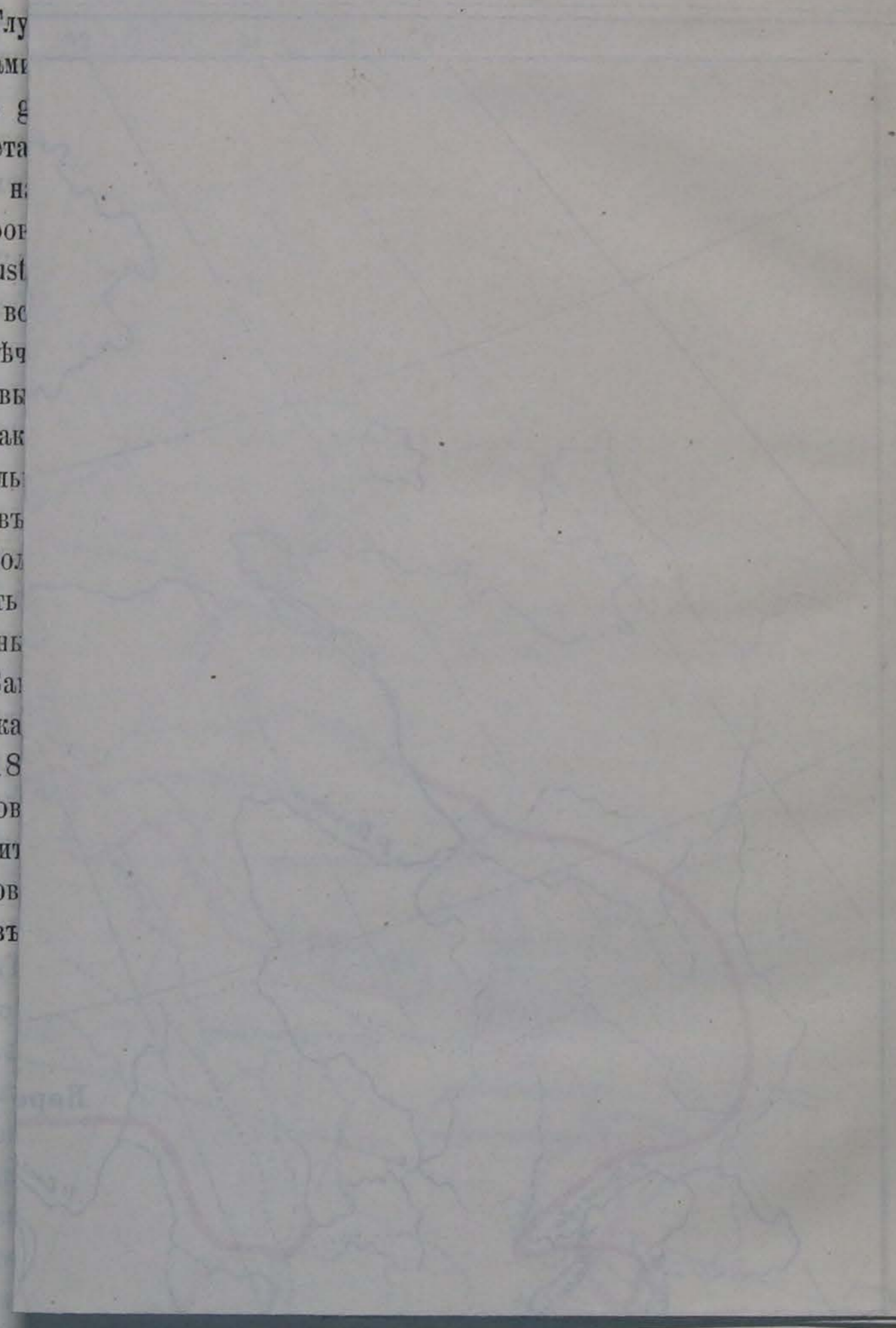
И. Словцовъ.

КАРТА
 ГРАНИЦЪ
 РАСПРОСТРАНЕНІЯ
Pinus Sembra

Глу
лѣсами
cilla g
релета
ями н
кедров
infaust
Она во
встрѣч
резовъ
Так
витель
ки, въ
но бол
летать
мѣстнѣ
на Зап
манска
въ 18
кедров
должит
кедров
лѣсовъ

Въ 18
кедров
лѣсовъ

